

87
K 21

Каракум

1955

109
К. 21

РАЗГОВОРЪ

СЪ

САМИМЪ-СОБОЮ

К. 21

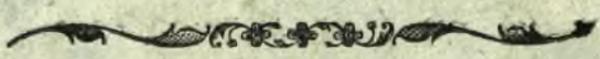
Г. Карактіолли.

Переводъ съ Французскаго:

К. Д. Кропоткина.

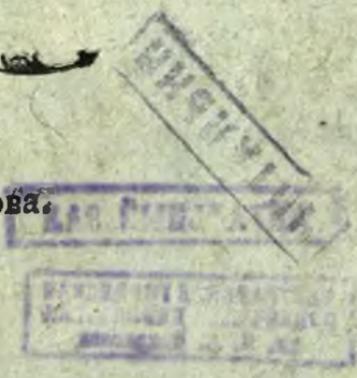
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

МОСКВА.

Въ Типографіи Грѣшеникова.

1817 года

79
21
76

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министрства Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіопики и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Января 22 го дня 1817 года. Сію книгу разсматривалъ Ординарный Профессоръ

Михаилъ Снегиревъ.

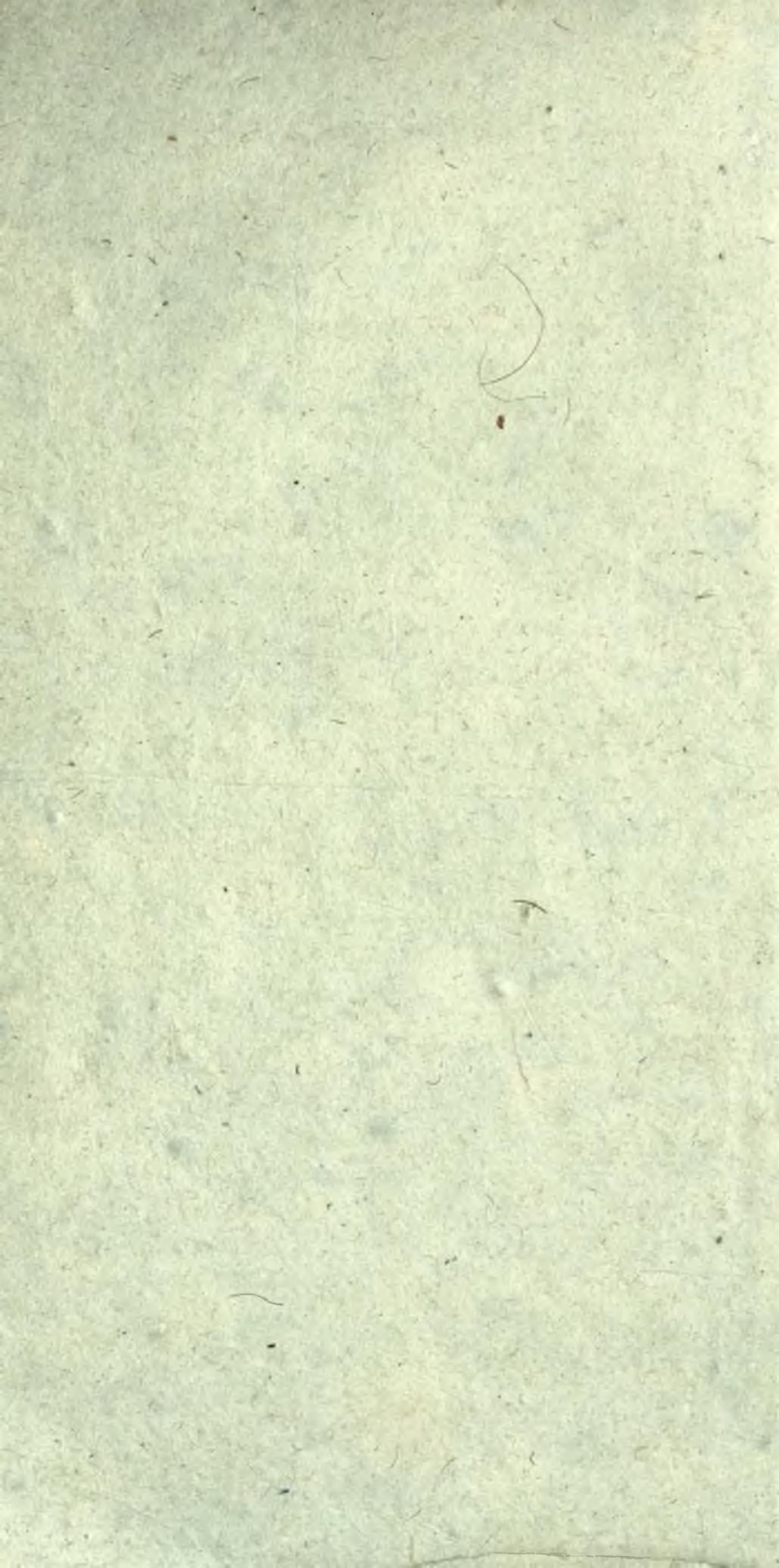
792887

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ЗАЛ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Некрасова

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Главы.	Стран.
I. О превосходствѣ сего разговора въ сравненіи съ прочими.	1.
II. Въ чемъ состоитъ разговоръ съ самимъ собою.	91.
III. О выгодахъ внутренняго разговора.	35.
IV. О удовольствіяхъ, которыя вкушаютъ люди во внутреннемъ разговорѣ.	55.
V. Душа къ намъ ближе всякаго другаго предмета.	73.
VI. Сколько мы должны любить свою душу.	89.

РАЗГОВОРЪ

съ

САМИМЪ СОБОЮ

ГЛАВА I.

*О превосходствѣ сего разговора
въ сравненіи съ прочими.*

Наилучшее плпмо челоѵка быть челоѵкомъ. Сколько чудесъ мы въ себѣ заключаемъ! Всѣ Философы тому удивлялись. Одни, не постигая кромѣ чувственнаго, мнили, что мы сотворены изъ пятой стихіи, болѣе важной и отдѣленной отъ прочихъ; другіе жъ воображали насъ изъ подобной Божеству. Безразсудные сіи совѣщивались съ предметами осязаемыми, дабы рѣшить то, что неприкосновенно; а тѣ опредѣляли на мѣсто ихъ души свое глупое щеславіе, но душа одобряетъ тѣ странныя изображенія, кои большая часть Философовъ намъ дѣлаютъ о ея существѣ и свойствахъ. Иѵтъ! сколь старательно въ

Часть I.

A

вѣки вѣковъ ни разсматриваетъ она тѣ различныя картины, въ коихъ намъ представляется: однако въ нихъ никакъ не узнаетъ себя и наилучшіе ея списки находящіеся въ рукахъ нынѣшнихъ нашихъ Метафизиковъ еще кажутся ей пренесполненными несовершенства.

Не въ (Философическихъ) системахъ можно устопырѣть душу въ собственномъ ея видѣ: она скрывается отъ насъ среди толкихъ различныхъ мнѣній. Если желаютъ найти душу: то надлежитъ искать ее въ ней самой; но таковое исканіе требуетъ совершеннаго отвлеченія отъ всѣхъ страстей и предразсудковъ. Малѣйшая вещественная пылинка, сему препятствующая, хотя бы легче воздуха и огня, должна быть откинута. Можетъ быть она смѣшается съ симъ истинно чистымъ существомъ, которое есть ничто иное, какъ вдохновеніе самаго Бога: ибо надлежитъ вѣрить, что душа, и присоединенная къ тѣлу, не болѣе имѣетъ отношенія къ сей части вещества, какъ и къ самой земли. Мы ощущаемъ сію истину. Сколько разъ чувствовали мы свое тѣло, какъ бы отдѣленнымъ и оставленнымъ на мѣстѣ, когда мыслящее наше существо стремилось къ безконечному существу, или пробѣгало сію обширную твердь! есть нѣкоторыя обстоятельства и щасливья минуты, отвлекающія насъ отъ всѣхъ внѣшнихъ предметовъ и воз-

носяція выше самыхъ звѣздъ. Тогда разумъ не касается собственныхъ нашихъ чувствъ; онъ сохраняетъ однѣ свои мысли и склонности, коихъ не можетъ совершенно потерять.

Сколько обстоятельствъ въ жизни, сколько опытовъ, въ коихъ люди, не чувствуя ни холоду, ни жару, имѣють одно слабое впечатлѣніе о ихъ существованіи: ежели, на примѣрѣ, спокойно плывемъ среди рѣки: то легко забывается всякое чувствованіе; кажется, что тѣло, будучи въ такомъ положеніи, составляетъ единое съ симъ воднымъ теченіемъ, его увлекающій, и какъ будто въ то время одна душа прогуливается на поверености и одна токмо все разсматриваетъ.

Но мы никогда лучше не чувствуемъ ея безплотія, какъ въ обморокѣ; никакое вещество тогда не касается насъ; мы ощущаемъ между удовольствіемъ и уныніемъ что-то такое, невозможное опредѣлить, которое не перестаетъ удостовѣрять насъ, что мы существуемъ.

Если мы услаждаемъ взоръ красотою цвѣтущихъ, обоняніе пріятнымъ запахомъ, слухъ согласіемъ звуковъ: то это единственно по склонности къ собственному нашему тѣлу. Душа же, какъ наилучшая насъ самихъ, не болѣе имѣетъ нужды въ сихъ наружныхъ вспоможеніяхъ, какъ въ пищѣ и снѣ; она оставляетъ тѣлу поправ-

лять и сохранять себя пищею; иначе надлежало бы, чтобы частицы хлѣба, смѣшенныя вареніемъ желудка съ кровію составили часть души. И потому онѣ бы мыслили, раждали намбренія и учреждали законы.

Тщешно люди, игралища своихъ страстей, старались представить нашимъ глазамъ искусныхъ тварей, какъ соперниковъ, способныхъ оспоривать у души должное ей уваженіе. Обдѣланные составы земли, сіи твари, не могли выдержатъ сравненія. Скоро ихъ недостатокъ въ размышленіи и свободѣ опровергнулъ такое высокоуміе и возвысилъ душу на развалинахъ столь страннаго мірнія. — Сколько бы ни трудилась усовершенствовать скорость движенія и доброту самыхъ искусныхъ пружинъ, но никогда не составятъ сей мысли, которая видѣть и которую не можно видѣть, которая проникаетъ и которой не лзя проникнуть. Можно чувствовать сію истину, взирая на славныя самодвижущіяся машины, которыя всѣ послужили единымъ токмо доказательствомъ, сколь душа есть чудесна въ своемъ дѣйствіи. Но не нужно отдѣляться отъ собственнаго нашего тѣла, дабы въ себѣ удостовѣриться. Лишь только составитя корпусъ человѣка: — и душа дастъ игру его пружинамъ и свободу органамъ. Естьли она и не скоро открываетъ его зрѣніе, не дѣлаетъ сердца чувствительнымъ и ра-

зума способнымъ къ понятіямъ: то это изъ бережливости къ малому тѣлу, еще слабому и нѣжному, отъ котораго она зависить. И потому душа дѣйствуетъ постепенно, боясь повредить въ одну минуту тѣ тонкія жилки и кожицы, которыя должны существовать многіе годы: отъ сего мы видимъ ее развертывающеюся по мѣрѣ распространенія и укрѣпленія тѣла. Дѣйствуя имъ непрестанно, она играетъ въ дѣйствѣ, обучается въ юности, размышляетъ въ зрѣломъ возрастѣ, ошдыхаетъ въ старости.

Не смотря на всѣ сіи благопріятности, душа, будучи всегда ревностна въ своихъ правахъ, дѣйствуетъ такъ, что ее не можно смѣшать съ тѣломъ. Она даетъ намъ чувствовать свою способность разсматривать оное, судить о его станѣ и тяжести, наконецъ свою силу, кою она можетъ совершенно поколебать его при первомъ движеніи ея воли. Ежели голова и сердце намъ кажутся свойственными къ понятіямъ и склонностямъ: то это потому, что одна есть единственная часть нашего тѣла, гдѣ всѣ соединены чувства; а другая центръ обращенія крови.

И такъ душа находится въ насъ, какъ повелительница, кою все должно повиноваться. Наши чувства можно назвать ея слугами, всегда обязанными ис-

полнять ея приказанія и содѣйствовать ея споксйствію. Онѣ должны всегда хранишь ея пути, дабы не встрѣшиться съ безпокойствомъ страстей и множествомъ предразсудковъ. Если они не принимаютъ на себя сей должности: то это потому, что душа также подвержена несчастной участи многихъ Государей, имѣющихъ иногда подданныхъ невѣрныхъ и неблагодарныхъ.

Превосходство души состоитъ не въ одномъ токмо владычествѣ, употребляемомъ ею надъ тѣломъ; всѣ науки и всѣ законы, произшедшіе изъ ея судилища, доказываютъ ея права надъ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Сей міръ сколь ни прекрасенъ и обширенъ, но ничѣмъ не можетъ покорить сего безтѣлеснаго существа, изображающагося безконечнымъ пространствомъ, коего не можетъ ужаснуть и видѣ самой вѣчности. Тщетно сіе наслѣдство существъ, именуемое нами временемъ, хотѣло бы распространить свою жестокость на нашу душу; среди общаго истребленія вещей, насъ окружающихъ, и которыя съ каждымъ днемъ увядають, она славится своимъ безсмертіемъ. Не для нея составлены мѣсяцы, годы и вѣки; она никогда бы не знала ихъ, если бы не подало тѣло къ оному случаю; всѣ поколѣнія соспѣрѣваются, всѣ стремятся войти въ землю, изъ коей

вышли, но душа, будучи всегда въ одномъ положеніи, не страшится сего сокрушенія. Пусть поколеблется природа; пусть обратится наше тѣло въ прахъ: — что нужды въ томъ существу, совершенно не свойственному къ разрушенію?

Вотъ, безъ сомнѣнія, удостовѣрительныя истины. Такъ, не смотря на снѣдающія насъ страсти и на тѣ чувственные предметы, кои насъ занимаютъ, человекъ не можетъ внутренно не цѣнить превосходства мыслящаго существа. Ежеминутно оно являетъ свое достоинство даже и тѣмъ, кои осмѣливаются смѣшивать его съ тѣломъ. Всякой разъ, когда они прельщаются прекраснымъ издѣліемъ, или восхищаются героическимъ поступкомъ, всегда признаютъ славу души. Доказательства самая хитрая и остроумная, употребляемая ими для опроверженія ея бесплодия, служатъ токмо ей объясненіемъ. Они лишь показываютъ свою неблагодарность, въ чемъ и заключается все ихъ доказательство.

Мы имѣемъ такую высокую мысль о душѣ, говоритъ Паскаль, что не можетъ терпѣть презрѣнія и какую бы славу и преимущество ни имѣлъ человекъ въ здѣшнемъ мірѣ: но почитаетъ себя несчастнымъ, если не также помѣщенъ лестно въ умъ другихъ. Это есть наилучшее мѣсто даже и тѣхъ, которые презираютъ

людей и сравнивають ихъ со скотами : ибо они желаютъ ихъ уваженія, и тѣмъ сами противорѣчатъ своему собственному чувству. Ежели душа присоединена къ тѣлу : то это по тому, что человекъ, поставленный среди вещественнаго міра, долженъ имѣть разумъ, который бы могъ возноситься къ вышнему существу, и также тѣло, удобное осязати и видѣти все, его окружающее. Безъ тѣла, — онъ былъ бы слѣпъ и немъ въ сей обширной вселенной ; безъ души, — имѣлъ бы участь скотовъ, не понимающихъ ни своего начала, ни конца и его механическія дѣйствія не болѣе бы, можетъ быть, удивляли, какъ и живыя движенія сего творенія, названнаго чувственнымъ.

Сіе славное и чудесное соединеніе двухъ существъ дѣлаетъ человека способнымъ познавати самага себя и всѣхъ тварей, судити, говорить, соображати и рѣшати. Благородное упражненіе ! щастливый трудъ, который надлежитъ предпочитати всякому ученію ! какая намъ нужда имѣти точное опредѣленіе души ? не ужели проведемъ всю нашу жизнь въ бесполезномъ размышленіи о предметѣ, который навсегда будетъ отъ насъ сокрытъ ? лучше, безъ сомнѣнія, чувствовать нашу душу, нежели опредѣляти ее. Мы для того только показываемъ ея превосходство и безплодіе, что бы тѣмъ возбудити смерт-

ныхъ вкушать неоцѣненные дары ея бесѣды. Всякому естественно желаніе узнать тѣхъ, съ коими должно составить хорошую связь. Въ скоромъ времени она научитъ возноситься на съ выше обыкновенныхъ мыслей и поддерживать достоинство разумнаго существа.

Сколь ни полезно обхожденіе съ людьми, но часто оно обращается на временныя познанія, на склонности совершенно земныя, наконецъ на пустую суетность. Внутренній разговоръ приводитъ насъ къ предметамъ болѣе возвышеннымъ. Душа, поставленная между создателямъ и твореніями, не видя ничего выше, какъ верховнаго существа и ничего ниже, какъ тѣлеснаго, натурально обращается къ сторонѣ одного и оставляетъ прочія. Надобно уже ей противиться, дабы склонить ее къ другому.

Не будемъ сему удивляться. Творецъ, создавъ, мыслящія существа съ тѣмъ только намѣреніемъ, дабы они познали и любили его, желаетъ, чтобы и бесѣдовали съ нимъ, разговаривали, вопрошали его и ежели часто не отвѣтствуетъ онъ: то сіе въ наказаніе за ихъ величайшее прилѣпленіе къ земному. Слѣдую сему учрежденному порядку, душа почерпаетъ въ самой сокровенности ея разума науку, неизвѣстную спрасьямъ и чувствамъ; она исправляетъ множество странныхъ

мибній, которыя всячески старались получить ея согласіе, разбираетъ въ молчаніи мысли, обратившіяся въ безпорядокъ отъ ихъ смѣшенія. Когда мы стараемся разговаривать внутренно: то чрезъ сіе познаемъ мѣру нашихъ должностей и наконецъ находимъ средство основать щастіе, котораго разсвѣтлость и своенравіе не могли опредѣлить.

Отъ какой пріятности часто общество людей, совершенно земныхъ, бываетъ гораздо предпочтительнѣе нашего? не отъ того ли, что нужно иногда посвящать себя уединенію и что мы спрашиваемся приступитъ къ нему? но не имѣемъ ли мы въ насъ самихъ превосходнѣйшаго товарищества? плодовитое воображеніе восхищаетъ насъ и въ сего вещественнаго міра, разумъ, распространяющійся по мѣрѣ его приближенія къ вѣчности, воля, стремящаяся къ верховному благу, память, занимающая насъ всѣми прошедшими приключеніями.

Умѣя хорошо входить въ себя, нахожу тамъ и хорошія средства къ своему занятію; тогда весь міръ отверзтъ передъ моиими очами я немедленно пробѣгаю всѣ земли, всѣ времена; самые мертвые, сокрытые въ земляхъ уже нѣсколько столѣтій, кажутся выходящими изъ ихъ мрачныхъ пещеръ и толпящимися вокругъ меня; я вижу Аристотеля, Платона, Александра,

Кесаря и, припоминая чипанчья мною ихъ дѣянiя, вижу и самыя ихъ лица, какъ бы оживленными. Едва ли жизнь моя будетъ достаточна описать такое совокупленiе предметовъ, которые представляютъ миѣ мое воображенiе или память; всѣ прелести вселенной ниже нашихъ миѣнiй: ибо почти всегда мы находимъ красоту каждой земли не столь велику, какъ воображали ее въ умѣ. Пусть всякъ судитъ шеперь о своихъ внутреннихъ сокровищахъ. Безъ сомнѣнiя преимущество сего разговора предъ всѣми другими рѣшило столько почтенныхъ людей удалиться изъ общества и не знать, кромѣ своего внутренняго. Диогенъ, закупорившись въ своей бочкѣ, находилъ болѣе утѣшенiя въ себѣ самомъ, нежели находятъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Катонъ славился, повторяя часто, что онъ никогда столь мало не бывалъ одинъ, какъ когда бывалъ одинъ. Нѣкоторый славный Философъ откровенно признавался, что всякой разъ, когда бывалъ съ людьми: то онъ возвращался менѣе, нежели человекъ. Были люди еще превосходнѣе и сихъ, которые изсѣкали себѣ пещеры въ каменныхъ горахъ и имѣли занятiемъ небесную твердь, а часами печенiе солнца, почитая свою душу достаточною замѣнить всякое общество.

И такъ что встрѣчаемъ мы въ сообщенiи съ свѣтомъ? людей, которые, ка-

жешся, всякой день сходятся для того, чтобъ уменьшить или унизить свой умъ. Они употребляютъ его на одну суестьность и заблужденія. — Вотъ вся ихъ бѣда! вы видите ихъ бѣгающими туда и сюда, влекущими за собою всѣ страсти, и наконецъ производящими послѣ многихъ трудовъ и стараній то, что называется баломъ, зрѣлищемъ, собраніемъ. Прекрасное дѣйствіе человѣческаго разума! не ужели подобныя бездѣлки нашли бы мы и въ насъ самихъ? и душа, углубляясь въ своихъ собственныхъ размышленіяхъ, несправедливо ли возстаеъ противъ такихъ дѣтскихъ забавъ? ежели она и прощаетъ тѣхъ, которые иногда предаются имъ; то не можетъ не сожалѣть о людяхъ, починающихъ оныя первымъ своимъ познаніемъ.

Тщетно то, что свѣтъ называетъ новостями, шумитъ въ ухахъ человѣка, разговаривающаго внутренно. Хотя онъ почитаетъ себя гражданиномъ Вселенной и другомъ человѣческаго рода: но не знаетъ интереснѣе новостей, какъ открытія какой нибудь добродѣтели, или исправленія заблужденій; онъ оставляетъ своимъ собесѣдамъ заниматься тысячами маловажныхъ происшествій, стекающихся каждый день, сохраняя свое преимущество и славу размышлять о непоколебимомъ предметѣ вѣчности,

Такимъ образомъ душа составляетъ разговоръ болѣе важный и болѣе полезный; мудрый натурально бываетъ всегда клонимъ благороднымъ побужденіемъ наслаждаться сими сокровищами; осшальное же есть забава неразумнаго. Щасливѣе тотъ, кто умѣетъ очистить свое сердце и начертать въ немъ истинныя добродѣтели, нежели имѣть оныхъ токмо наружныя изображенія.

Мы весьма мало размышляемъ о столь полезныхъ предметахъ, а если когда и случается: то это нечаянно. Часто, на примѣръ, мы бѣжимъ далеко искать необходимаго намъ совѣща, между тѣмъ, какъ имѣемъ его внутри насъ самихъ. Надлежитъ токмо заставить молчать наши страсти и предразсудки, дабы услышать душу, говорящую со всей истиной и правосудіемъ. Сей внутренній прорицатель будетъ, можетъ быть, говорить намъ гораздо лучше всякаго ученаго, подающаго одни суешныя отвѣты.

Для чего всегда жить чужимъ, когда каждый имѣетъ въ себѣ самомъ неизчерпаемая сокровища? бросаться во всѣ стороны значитъ открывать свой недостатокъ и чувствовать тоску; кажется, что мы всегда руководствуемся мыслями токмо другихъ.

Сколько бы ни были почитаемы тѣ, которые всегда ищутъ совѣтовъ и не прес-

танно читають: но я не могу, говоритъ Боссюетъ, простить имъ сію неуимренность чтенія и сію алчность къ опредѣленіямъ другихъ; пусть лучше научатся они дѣлать употребленіе ихъ души и читаютъ ее, какъ первую библіотекою, кою надлежитъ имъ заниматься и наилучшимъ совѣтомъ, коему должны внимать. Чрезъ таковое упражненіе они вознесутся выше предѣловъ земнаго міра; будутъ разсматривать существо праведное, неизмѣримое, вѣчное; они увидятъ унижающимися тѣхъ великановъ, которыхъ возвеличило одно честолюбіе, и обрѣтутъ внутри себя спокойствіе, котораго не могли найти между людьми.

Кажется, что мы переходимъ изъ міра въ міръ, бросаема съ высоты звѣздъ, дабы снова пасть на землю, когда оставляемъ разговоръ съ своею душою, чтобы предаться чувственному. Гдѣ Паскаль, будучи еще робенкомъ, умѣлъ найти тридцать второе предложеніе Юклида, какъ не въ самомъ себѣ. Я представляю его въ двѣнадцати - лѣтнемъ возрастѣ среди опредѣленій, правилъ и доказательствъ безъ всякаго учителя, кромѣ своего природнаго разума, который уже раждалъ его, какъ бы другимъ изобрѣшателемъ Математики. Тихо - де - Браге, каждую ночь убѣгая сна и своего надзирателя, путешествовалъ непрестанно среди звѣздъ, единствен-

но опираясь на могущество своей души, которой одной мы обязаны системою земли и небесъ. Какое различіе между наблюденіями, дѣлаемыми среди множества людей и тѣми, кои дѣлають внутри себя! разумъ всегда перяетъ нѣсколько своей силы, разсѣваясь на ту и другую сторону.

Хотя товарищество людей принесло бы пріятность и пользу: но прекращеніе его оставитъ пустоту, которую должно чѣмъ нибудь замѣнить. Слабые смертные, будучи подвержены крайнимъ нуждамъ, не могутъ всегда бесѣдовать между собою. Вседневныя занятія, соединенныя съ ихъ пользою, разсѣвають ихъ туда и сюда и не позволяютъ собираться, какъ токмо временно. Сіи препятствія не встрѣчаются во внутреннемъ разговорѣ: хотя онъ даетъ себя лучше чувствовать въ уединеніи: но также не перестаетъ наставлятъ насъ и среди собраній и дѣлъ; всегда мыслить есть свойство души, такъ какъ свѣтъ всегда свѣтитъ; нѣтъ пресѣченій въ ея мысляхъ и ежели мы иногда въ нихъ сомнѣваемся: то это отъ того, что не хотимъ различить ложныхъ мнѣній отъ истинныхъ; сіи поработаютъ насъ, а тѣ убѣгаютъ. Рѣдко случается, чтобъ мы имѣли ложныя мысли, разговаривая сами съ собою, гдѣ онѣ показываются, какъ молнія.

Намъ споль свойственно размышленіе, что, не смотря на нашу разсѣянность,

случается завидовать иногда щастію тѣхъ, которые живутъ въ уединеніи. Пространные лѣса всегда почти рождаютъ въ насъ охоту остаться въ нихъ, въ ту самую минуту, — когда производятъ въ насъ какой-то тайный ужасъ. Мы любимъ ихъ, и чувствуемъ нашу душу здѣсь свободнѣе, нежели въ иномъ мѣстѣ и мало такихъ людей, которые въ теченіи ихъ жизни не возымѣли бы желанія основать себѣ пустыню и въ ней утвердиться. Неогнѣнное доказательство души! которая, зная все свое достоинство, натурально ищетъ свободы отъ страстей и чувствъ, коихъ владычество среди міра гораздо сильнѣе. Тамъ всякой чинъ подверженъ общему порядку обращенія; тамъ должно зависѣть отъ общихъ разговоровъ, отъ предложенныхъ вопросовъ, отъ происходящихъ споровъ. Горестныя необходимости, предметы терпѣнія или скуки, принуждающія то скрывать, то истреблять мысли, вы неужасаете насъ во внутреннемъ разговорѣ! здѣсь каждый человекъ есть Царь; онъ говоритъ — и предъ нимъ все въ безмолвіи; будучи свободенъ избирать предметы къ своимъ разговорамъ, онъ опредѣляетъ ихъ, прерываетъ или продолжаетъ по своей волѣ. Повѣлвши памяти занимать его, онъ приказываетъ воображенію утѣшать его — и онъ удовольствованъ.

Это еще не все сообщеніе съ душою предупреждаетъ сію блаженную минушу, въ которую далеко отъ міра и суеты его мы будемъ разсмащривать душу въ превосходствѣ, и узнаемъ изобиліе тѣхъ сокровищъ, которыя имѣемъ внутри насъ. Внутренній разговоръ дѣлается повѣреннымъ тѣла и души: одна опходитъ къ своему началу превѣчному и безконечному; другое остаётся на своемъ мѣстѣ среди мрака и тѣни.

Путь между смертными щастливѣе открытій, какъ тѣхъ, которыя находятъ они въ своемъ сердцѣ. Сей лабиринтъ, непонятный многимъ людямъ, объясняется по мѣрѣ бесѣдованія съ собою: всѣ тогда его выходы и извороты дѣлаются извѣстными. Человѣкъ довольно великъ въ себѣ самомъ, чтобъ изчислить свои мысли, обычаи и желанія; таковое изчисленіе сравнялось бы съ ясностію остроумныхъ доказательствъ, ежели бы постарались выбрать душу своею путеводительницею. Сколько видѣли мы истинныхъ Философовъ, которые совершенно знали, какую силу имѣетъ надъ ними природа и также постигали свойство и равновѣсіе своихъ обычаевъ! внутренний разговоръ научаетъ насъ познавать, въ чемъ люди сходствуютъ между собою, въ чемъ различествуютъ; какое вліяніе климатъ, сложеніе тѣла и воспитаніе имѣютъ надъ ними. Тогда легко можно судить

о томъ, что бы могъ сдѣлать такой въ такихъ обстоятельствевахъ, и потому предусматривать приключенія, приводить случаи.

Сколь желанельно, чшобъ сей внутренній разговоръ былъ болѣе въ употребленіи между людьми! мы бы имѣли тогда лучшія доказательства, которыя бы послужили къ составленію остроумныхъ предсказаній; мы бы воспользовались славными и важными намѣреніями, источниками возстановленія Государствъ и блаженства народовъ; мы бы увидѣли героевъ, сравнивающихъ настоящее съ прошедшимъ, углубляющихся въ будущность и совершающихъ величайшія предпріятія; мы бы удивлялись высокимъ умствованіямъ, предсказывающимъ опдаленныя вещи, какъ Ташитъ предвидѣлъ нещастія, опустошавшія Европу; наконецъ, мы бы нашли новыхъ Архимедовъ, которые бы, составя себѣ спеклянныя шары, открыли сквозь смѣшеніе предметовъ міръ такимъ, каковъ онъ есть.

Внутренній разговоръ, какъ то видно, возвышаетъ и содержитъ человека въ любви самаго себя, ему свойственной. Мы тѣмъ болѣе познаемъ душу, чѣмъ болѣе научаемся быть довольными собою: ибо это приближаетъ насъ къ Богу, общему свѣтильнику. Кажется, что тотъ, который любитъ жить внутри себя, стоитъ на высотѣ и видитъ Вселенную подъ своими ногами. Сіе состояніе не можно назвать гордостію, по

оно есть благородное величіе, достойное превосходства нашей души.

Г Л А В А II.

Въ чемъ состоитъ разговоръ съ самимъ собою.

Земля, обитаемая нами, есть то, что театр, въ коемъ замаскерованы всѣ предметы; съ одной стороны наши чувства, съ другой предразсудки дали Вселенной совершенно другой видъ; сколь ни старательно осязаемъ мы творенія, насъ окружающія, но только чувствуемъ одну непроницаемую ихъ поверхность; предразсудки называютъ скупость благоразумною экономіею, а невоздержность простою слабостію. Какая противоположность! И такъ мы принуждены судить по одному случаю и жить слѣпыми и нѣмыми среди міра, единственно для насъ сотвореннаго. Таково, безъ сомнѣнія, и было бы наше поведеніе, ежели бы душа, источникъ истины, не наставляла насъ. Но она дѣлается учителемъ, который даетъ намъ уроки, просвѣщаетъ насъ и совѣтуетъ быть въ связи съ истинными мудрецами. Внутренній разговоръ не имѣетъ нужды опасаться хорошаго общества: ибо ему довольно извѣстны онаго выгоды. Душа, среди избранныхъ ею людей, не теряетъ ничего изъ своихъ размышленій; она и меж-

ду ими сполько же покойна, какъ бываетъ одна, и также получаетъ пользу отъ совѣщаній другихъ. Умы во взаимномъ сообщеніи образуются и дѣлаются проникательнѣе.

Всегдашнее уединеніе можетъ часто зашешнать понятія, извергать челоуѣка въ разстройство запутаннаго воображенія и учинить его непріятелемъ всего челоуѣческаго рода. Сколько есть людей, которые, находясь и въ уединеніи, не бесѣдуютъ сами съ собой, между тѣмъ, какъ другіе умѣютъ говорить и среди міра. Но не менѣе справедливо и то, что надлежитъ убѣгать шумныхъ обществъ и употреблять большую часть времени на обращеніе къ самому себѣ. Черезъ сей хорошій способъ объясняясь всѣ сомнѣнія, исчезнутъ затрудненія; на тѣ вопросы, которые мы иногда себѣ предлагаемъ, можемъ получить отвѣты отъ другихъ, ежели не въ состояніи сами рѣшить.

Нѣтъ во вселенной ни одного наѣкомаго, которое бы не заключало въ себѣ множества чудесъ и не обязывало насъ разсуждать о немъ; то, которое намъ кажется болѣе презрительнымъ, имѣетъ право требовать у насъ причины сего презрѣнія. Мы не можемъ сдѣлать шагу, не ступая ко чудесамъ; права, которую попираемъ погами, имѣетъ удивительную красоту. Но сколь бы прекрасны ни были всѣ сіи пред-

мѣшты: они скрываются отъ нашихъ взоровъ, когда душа не побуждаетъ насъ разсматривать ихъ. Внимая ей, мы чувствуемъ ее, раздробляющею простаго червячка; скоро мы откроемъ въ немъ сердце, центръ обращенія крови и частицы, служащія пульсовыми жилами; скоро мы усмотримъ въ цвѣткѣ безчисленныя зернышки сѣмянъ и опѣнки красокъ, одни прекраснѣе другихъ; дойдемъ до источника, до сей плодоносной земли, которая преобразуется то въ почки, то въ плоды. Съ удивленіемъ будемъ взирать на эту премудрость, съ какою Творецъ создалъ сію обширную Вселенную; какую во всемъ правильность имѣютъ его творенія; съ какими искусствомъ устроены виды; какъ великолѣпно цвѣтъ, налюбознѣйшій глазъ, украшаетъ луга и лѣса; сколь наконецъ живошное, кажущееся намъ дурнымъ, есть совершенно въ себѣ самомъ и соразмѣрно во всѣхъ его частяхъ.

Безъ сомнѣнія человекъ, проходящій просто сіи описанія, знаетъ одну только ихъ поверхность, но разговаривающій внутренно, разсматриваетъ природу въ самыхъ сокровеннѣйшихъ ея дѣйствіяхъ; онъ измѣряетъ глубину рвовъ; взлѣзаетъ на горы и хочетъ знать всему начало и на какой все конецъ.

Тицетно скажутъ ему, что тлѣніе можетъ раждать; онъ знаетъ, что все имѣетъ

свое начало и конец и что ничтожество не можетъ быть творцемъ; тщетно будутъ увѣрять его, что мѣсяцъ имѣетъ вліяніе на растѣнія и цвѣты; что онъ снѣдаетъ камни, умаляетъ здоровье людей и скотовъ. Нѣтъ! онъ почитаетъ сію планету совсемъ чуждою всего ей приписываемаго и весьма опдаленною отъ жестокостей, ей присвоаемыхъ.

Существа неодушевленные совершенно мертвы въ глазахъ тѣхъ, которые не размышляютъ: дерево, на примѣръ, для многихъ есть не болѣе, какъ дерево. Они знаютъ его названіе одно, видятъ его листья и нейдутъ далѣе. Но какимъ представится оно мнѣ, ежели я внутренно постараюсь рассмотретьъ его? я открою въ его пнѣ чудесный сокъ, который, подобно нашей крови, течетъ изъ ствола въ стволъ, питаетъ коренья, напояетъ ихъ и распространяетъ; который изъ вѣтвей въ вѣтви изливаетъ удивительную крѣпость и зелень. Мнѣ вообразятся тогда всѣ тѣла окружающими меня и выходящими изъ ихъ коры; я услышу ихъ голосъ, возвѣщающій мнѣ ихъ свойства и качества: Философическіе мои глаза учинятъ чувствительными для меня тѣ предмѣты, которые прежде были не внятны.

И такъ уже не среди несмысленнаго и нѣмаго міра я буду прогуливаться, но среди міра, говорящаго и наставляющаго меня;

цвѣты скажутъ мнѣ, что они проходятъ, такъ какъ почести; рѣки быстрѣе своимъ теченіемъ напоминаютъ мнѣ быстроту дней нашихъ; полевые плоды будутъ упрекать меня въ избѣженномъ моемъ вкусѣ; спашуи и картины будутъ громогласно звать ко мнѣ: мы вотъ здѣсь одни горестные остатки толкихъ героевъ, которые, кажется, никогда не могли имѣть конца. Должно признаться, что размышляющая душа изливаетъ на всѣ предметы свѣтъ, učinяющій ихъ прозрачными, и даетъ всѣмъ твореніямъ краснорѣчивый языкъ.

Какія раждаетъ она чувства внутри насъ, когда, въ ясную ночь, мы разсматриваемъ звѣзды на небесномъ сводѣ! можно сказать, что она открываетъ тогда нашимъ глазамъ твердь, такъ какъ книгу, въ которой заставляетъ насъ читать ясными буквами славу и премудрость Творца. Бываемъ ли мы увлекаемы на край бездны бурею, которую одна пылинка останавливаетъ при гласѣ всемогущаго! мы читаемъ тогда на волнахъ несчастную исторію мяшежной жизни и ужасное волненіе страстей: находимся ли среди пустыни! міръ, существующій внутри насъ, занимаетъ мѣсто того, котораго мы болѣе не видимъ.

Душа всегда предшествуетъ намъ; она, кажется, начертываетъ свои свѣты на тѣхъ предметахъ, которыми должны удивляться наши чувства, и дѣлаетъ сіе изъ

предосторожности, дабы мы не приняли фальшиваго золота за настоящее. Безъ страстей и предрасудковъ мы вездѣ чувствуемъ, что душа все оживляетъ встрѣчающееся нашимъ взорамъ. Чѣмъ намъ кажется вещество, когда мы хопимъ размышлять, какъ, не преобращеніемъ различныхъ существъ, которыя, переходя изъ однихъ въ другія, сего дня песокъ, а завтра червь. Каждая часть сей вселенной дѣлается въ глазахъ мудраго міромъ въ порядкѣ физическомъ: но въ нравственномъ сія же самая вселенная кажется ему одною точкою.

Человѣкъ видимо сотворенъ, чтобъ мыслить, говоритъ разумный Паскаль; въ этомъ все его достоинство: но онъ долженъ мыслить такъ, какъ надлежитъ; а порядокъ мыслей начинать съ неодушевленныхъ предметовъ, чтобъ дойти до насъ, а отъ насъ къ Богу. Мы думаемъ о себѣ, когда занимаемъ нашу душу познаніемъ существъ телесныхъ; слѣдствія, какія мы выводимъ изъ краткаго ихъ существованія, обращаютъ насъ къ безсмертію души; мы дѣлаемся въ состояніи очистить сердце отъ всякаго земнаго впечатлѣнія, какъ скоро въ полной мѣрѣ почувствуемъ суетность земли.

Сколь пріятно видѣть человека, разсматривающагося въ своемъ собственномъ существѣ и, такъ сказать, усиливающагося среди его мыслей и склонностей и состав-

ляющаго себѣ изъ оныхъ общество, которое его наставляеиъ и забавляетъ!

Наши чувства не постигаютъ ни чрезвычайной низости, ни истиннаго величія; онѣ содержатъ человека въ предѣлахъ круга, который, непрестанно обращаясь, препятствуетъ намъ видѣть центръ и окружность; человекъ занятъ только однимъ скорымъ его обсервациею, который закрываетъ видъ и не позволяетъ ничего болѣе ему разбираться. Вотъ что жестоко стѣсняетъ наши познанія! мы не способны знать все и совершенно не знаемъ ничего; горимъ желаніемъ что либо изслѣдовать и, токио касаемся нашего предмета, разговоръ съ самимъ собою пѣкоторымъ образомъ сближаетъ сіи двѣ чрезвычайности; тогда начинаемъ чувствовать состояніе, смѣшенное съ силою и слабостію; дѣйствуемъ шакъ, какъ бы все было возможно, и признаемся, что нѣтъ ничего невозможнаго.

Какую пользу получаютъ смертные изъ пѣдръ своего существа, когда они живутъ съ собою! они очищаютъ свою душу, какъ золото въ плавильнѣ; освобождаютъ ее отъ всего вещественнаго и видятъ во всемъ ея величія: ея свобода, безплотіе, ея безсмертіе раскрываются совершенно въ ихъ глазахъ, пока житейскія приключенія ихъ не опягощаютъ. Упадокъ однихъ, возвышеніе другихъ суть тѣ игры судьбы, изъ коихъ мудрый составляетъ свою пользу; онъ не

завидуєть, по примѣру народному, судьбѣ вельможи, шествующаго въ пріумфѣ, но занимается въ сію минуту только тѣмъ плачевнымъ днемъ, въ который смерть жестокимъ превращеніемъ переимѣнитъ сіи великолѣпные цвѣты въ печальные кипарисы; онъ оставляетъ безумцамъ разсматривать богатыхъ и честолюбивыхъ и взираєть на намѣренія чловѣческія, какъ на слабыя усилія червячковъ, нападающихъ на корень правъ или зерно хлѣба. Движенія сего малаго народа переимѣнивають песокъ, растворяють жилы земли, пока проходящій чловѣкъ однимъ разомъ не раздавитъ все совершенно — вотъ міръ!

Можетъ быть подумаютъ, что единственно одно чтеніе приводитъ насъ къ такимъ размышленіямъ. Безъ сомнѣнія, — оно нужно; должно бесѣдовать съ мертвыми и защищать себя отъ зла живыхъ: но люди имѣють больше нужды разсматривать себя самихъ, нежели заниматься книгами. Можно, говоритъ фоншенель, знать мысли всѣхъ Философовъ и не мыслить самому. Чловѣкъ, по объявленію Локка, не потому знающъ, что много читалъ, но потому, что размышлялъ о своемъ чтеніи. Часто случается, что люди теряются и не находятъ себя болѣе среди толликихъ различныхъ чувствованій, изливаемыхъ въ книгахъ. Сколько ложныхъ и сколько правильныхъ мнѣній, сокрытыхъ подъ одѣждою очаровательнаго слога!

Выборъ чтенія принадлежитъ единственно душѣ и не можно много совѣтываться съ нею о сей матеріи.

Положимъ наконецъ, что всѣ сіи предосторожности предшествовали ученію того, который читаетъ, и что онъ откинулъ множество романовъ и неправильностей, находящихся въ книгахъ и выбралъ однихъ хорошихъ Авторовъ: но какой плодъ получитъ онъ отъ своего чтенія, ежели не будетъ сопровождать его частыми размышленіями? Авторъ ихъ составлялъ, но могли ли онъ составить всѣ? не долженъ ли каждый имѣть свои собственныя относительно къ его нуждамъ и склонностямъ? внутренній разговоръ долженъ имѣть мѣсто и въ то время, когда мы читаемъ книги самыя нравоучительныя; иначе мы можемъ запутаться и среди превосходныхъ библіотекъ: ежели, на примѣръ, почитая славными завоеванія Римлянъ, душа не даетъ намъ усмотрѣть пустой суешности толкихъ торжествъ: то я буду отдавать похвалу тому, что заслуживаетъ одно презрѣніе; буду чтить побѣды, которыя были ни что иное, какъ несправедливыя хищенія. Напротивъ того, какую получимъ пользу отъ чтенія, сопровождаемаго размышленіемъ? мы смѣшаемъ свои мысли съ мыслями Автора, когда онъ говоритъ истинно, и чувствуемъ противное, когда онъ заблуждается. Познаемъ тогда, что мнѣніе болѣе

произвело книгъ, нежели истина; что ежели опасно много вѣришь: то еще опаснѣе вѣришь мало и что часто обманъ подъ личиною науки обольщаетъ насъ болѣе, нежели она сама.

И такъ читаемыя нами книги должно относить къ вѣрнѣйшему чувству, долженствующему быть нашимъ путевождениемъ. Есть некоторая способность разума, умѣющая цѣнить вещи по ихъ достоинству и которой не лзя получить чрезъ чтение; одна душа намъ можетъ дать ее. Мы употребляемъ оную для различія истины отъ лжи, добра отъ зла. Не можно вообразить, сколько необходима и вмѣстѣ рѣдка сія способность; весьма мало находится въ мірѣ людей, называемыхъ забавными, которые бы не сбивались въ своихъ сужденіяхъ, принимая все выше или ниже общаго смысла, долженствующаго быть удѣломъ каждому. Но сколько нынѣ такихъ, которые отступаютъ отъ здраваго смысла единственно для того, чтобъ погордиться пылкостью своего ума! и симъ - то оспроуміемъ переначиваютъ всѣ вещи, отъ чего онѣ приходятъ въ упадокъ и не остается во многихъ людяхъ ни знанія, ни добродѣтели. Я всегда не довѣряю сужденію великаго читателя, который, дѣлая свою голову худо-устроеною бібліотекою и руководствуясь не собственнымъ, но чужимъ умомъ, дѣйствуетъ имъ со всею смѣлостію и высокоуміемъ.

По мѣрѣ бесѣдованія съ собою, мы чувствуемъ внутри насъ міръ, подобный тому, въ которомъ обитаемъ; онъ содержитъ въ себѣ удовольствія, а гораздо чаще горести; онъ есть какъ деспотическое Государство, гдѣ душа повелѣваетъ спрасямъ и чувствами; она имѣетъ надъ ними верховное право: однако случается, что онъ успѣвають перемѣнить ея правленіе въ аристократическое; онъ похищаютъ у нее власть и вводятъ безпорядокъ среди самой пишины. Мы чувствуемъ внутри насъ способность, которая желаетъ и нѣтъ, и которая наконецъ обнаруживается. Внутреннее бесѣдованіе бываетъ иногда спокойно, иногда мятежно. Когда душа уснаряется на наружность и сообщается съ чувствами: то она не можетъ сохранить одинакой силы; въ первомъ случаѣ она дѣлаетъ тождество, а во второмъ раздробленіе часшей. Ежели же мы хотимъ хорошо ее изслѣдовать: то увидимъ, что она ничего не опускаетъ изъ своихъ взоровъ, когда хочешь познать предметы; она ловитъ малѣйшую часть вещества и старается проникнуть въ его сущность и разобразъ всѣ качества; дѣлаетъ сравненія, соображенія, которыя всегда въ ея повелѣніяхъ; потомъ она дѣйствуетъ и рѣшаетъ.

И такъ не въ простыхъ мысляхъ состоитъ разговоръ съ собою; всѣ люди мыслятъ, но весьма мало бесѣдующихъ внут-

тренно : онъ заключается въ разсужденіи , сопровождаемомъ справедливыми слѣдствіями ; въ разсматриваніи насъ самихъ и каждаго окружающаго насъ предмета ; въ мудромъ предвидѣніи поступковъ и приключеній. Когда намъ случается непріятность или домашнее огорченіе : то мы стараемся избѣгать тогда своего разсѣянія и скоро познаемъ , что значитъ бесѣдованіе съ собою. Но великое искусство сего разговора состоитъ въ согласованіи сердца съ разсудкомъ , между ними находится большое разспояніе , говоритъ безсмертный Масильонъ , и только по изслѣдываніи своихъ познаній и склонностей можно пройти его.

Не смотря на все то , что можно сказать о семъ предметѣ , это затемнило бы наше понятіе , если бы мы хотѣли въ точности опредѣлить душевный разговоръ ; предметы чувствъ нашихъ должны быть истолкованы сердцемъ. Надлежитъ отвѣчать вопрошающимъ насъ о семъ : войдите во внутрь себя и тамъ вы найдете безъ помощи наставника основаніе для своего размышленія ; найдете опредѣленіе собственнаго вашего существа и причину всѣхъ видимыхъ противностей , помрачающихъ ваше зрѣніе ; узнаете , что природа находится въ испорченномъ видѣ ; что тѣло весьма сильно дѣйствуетъ на душу ; что сей міръ , обезображенный грѣхомъ , есть не иное что , какъ развалины совершеннѣйшаго міра ; что

нужно было бы, дабы беспорядокъ временъ сократилъ жизнь мыслящаго токмо во зло; что земля, наказанная опустошеніемъ и попомъ, долженствовала носить знаки мщенія истинно небеснаго; что наконецъ люди, невольники чувственной жизни, должны были въ наказаніе учиниться жертвою насѣкомыхъ.

Послѣ сего никто не будетъ удивляться, видя неприступныя горы, безплодныя земли и необитаемыя области, кромѣ того, который судитъ о вещахъ по одной поверхности и, разсматривая ихъ, думаетъ, что все произошло случайно, такъ какъ обыкновенно, и вся его наука состоитъ въ первомъ впечатлѣніи; онъ не проникаетъ далѣе. Душа возстаетъ противъ столько незрѣлыхъ и безразсудныхъ сужденій; она сама разбираетъ всѣ опредѣленія нашего слуха и зрѣнія.

Изъ сообщенія съ нами самими рождается множество полезныхъ и пріятныхъ размышленій и трудно понять, отъ чего столько людей не занимаются своею душою; кто далѣе поэтами высокое дарованіе оживляетъ растѣнія, источники, присвоятъ чувствительность, самымъ камнямъ, какъ въ сей разговоръ; я вижу ихъ удаляющимися отъ шума собраній, бѣгущими на берегъ ручья или въ густоту лѣса, и въ семъ уединеніи они составляютъ восхитительныя идилліи.

Пусть спросятъ у всѣхъ ученыхъ, у всѣхъ политиковъ, у всѣхъ промышленниковъ: что они получаютъ чрезъ разговоръ съ собою? и они немедленно подадутъ въ отвѣтъ ихъ труды, ихъ предпріятія, ихъ успѣхи. Вотъ, скажутъ они, богатства, которыя наша душа собрала внутренно!

Нѣтъ недостатка въ размышленіи, когда хотѣтъ разсуждать; каждая минута представляетъ множество случаевъ, концы надлежитъ пользоваться; въ самыхъ несовершенствахъ ближняго и въ погрѣшностяхъ, противныхъ разсудку, находятся важные уроки; для такихъ собранія, пиры, посѣщенія и прогулки уже не простое зрѣлище любопытства, но непрерывная школа, въ которой учающіеся обращенію, вѣжливости и скромности.

Съ какимиъ состраданіемъ мы должны взирать на того, кто осмѣливается дѣлать сіи признанія: *Я скучаю, я не знаю, о чемъ думать!* какъ среди насъ самихъ, заключающихъ множество чудесъ, среди вселенной, коей малѣйшая частица дѣлима до безконечности, среди познаній, какія мы имѣемъ о нашемъ началѣ и о нашемъ опредѣленіи, можемъ ли мы не найти способа къ своимъ размышленіямъ и занятіямъ? Пужень только одинъ взглядъ на наше тѣло, на мѣсто, обитаемое нами и на сію минуту, въ которую существуемъ, чтобъ родить бездну размышленій и достигнуть до неизмѣримаго пространства и вѣчности.

Многіе почитають состояніе Философовъ несноснымъ , а безумствѣ мірской жизни истиннымъ блаженствомъ: однако мы всѣ рождены бытъ Философами, то есть , мудрыми , но обезображиваемъ себя , слѣдуя правиламъ вѣка. Міръ сей, какъ быстрая рѣка , преисполненная волненій , которыя отъ одного къ другому приводятъ насъ въ непрестанное кругообращеніе , пока ужасная бездна наконецъ не поглотитъ наши намѣренія , наши удовольствія , нашу надежду и насъ самихъ. — Такова жизнь и конецъ почти всѣхъ людей.

Г Л А В А III.

О выгодахъ внутренняго разговора.

Сколь оскорбительно взирать на малые успѣхи , которые люди , открывая истину , получили въ продолженіе многихъ столѣтій. Они воздвигали сданія на честолюбивыхъ своихъ мнѣніяхъ , имѣющихъ основаніемъ одно похмо легковѣріе обольщенного народа ; догадки служили имъ вмѣсто самой почюности. Единственно посредствомъ внутренняго разговора могли мы освободиться отъ сего безпокойства сомнѣній и недовѣрчивостей , въ владычествѣ коихъ пребывала Вселенная. Надлежало только человѣку постигнуть свое мыслящее существо , чтобы познать прочія существа , его окружающія , и поспешенно вознестись до источника совершенства.

Ежели до Декарта большая часть Философовъ находилась въ заблужденіяхъ и ямбли сомнѣнія: то это по тому, что они болѣе заключали, нежели размышляли. Они воображали, что силою своихъ правилъ дойдутъ до назначенія тѣль: предпріятіе совершенно невозможное, ежели прежде не посовѣтуются съ своей душою и не научатся въ ея школь силъ и свойствамъ существъ вещественныхъ. Безъ сомнѣнія, было небеснымъ знаменіемъ для Вселенной видѣть Декарта, опровергающаго всю древнюю Философію и обличающаго въ несправедливости всѣхъ его предшественниковъ. Одни токмо глубочайшія размышленія могли произвестъ сіе чудо; всякое другое средство было бы конечно безуспѣшно и мы бы видѣли еще Аристотеля, не смотря на его неправильныя умствованія и неясности, предметомъ обожанія Университетовъ и мудрецовъ ученыхъ.

Великій Пифагоръ и славный Платонъ, сіи высокіе Геніи, конечно бы сдѣлали больше успѣховъ, разговаривая сами съ собою, нежели совѣтуясь съ мнимыми мудрецами Греціи и Сиріи. Сколь горестно читать ихъ творенія и не усматривать въ оныхъ, какъ токмо одного блеска истины. Сократъ, кажется, и ближе подходитъ къ ея величію: но не болѣе былъ въ томъ щастливъ: ибо, вмѣсто того, чтобъ устремить свое

вниманіе къ душѣ, онѣ вводитѣ между еѣ и Богомѣ пустые предразсудки. Въ самую ту минуту, когда наступила его кончина, онѣ, признавая единое существо, опровергнувъ сіе хорошее признаніе идолспоклонническою жертвою.

Ежели переходить изъ вѣка въ вѣкъ по спезямѣ заблужденій: то познаемѣ, что источникомѣ зла было почти всегда наше обыкновеніе присвоять спраспи Оракулу, непереспашающему говорить внутри насѣ. Когда опвѣпы его бывають сомнительны или ложны: то мы должны въ семѣ обвинять развращеніе собственнаго нашего сердца. Нещасный соперникѣ, онѣ оспориваетѣ у души преимущество и спарается еѣ покорить себѣ. Ежели онѣ дѣлается побѣдителемѣ: то добродѣтели уступаютѣ мѣсто порокамѣ и изъ сего безпорядка раждаются всѣ заблужденія.

Безѣ сомнѣнія, слишкомѣ бы постыдно было для человекѣства изчислять всѣ шѣ, которыя распространились на земли: ибо каждая спраспѣ имѣетѣ свойственный ей обманѣ; каждая земля и каждый возрастѣ видѣли укореняющуюся до безконечности ересь лжи. По щастію, душа сохранила себѣ нѣсколько людей, ревностныхѣ къ своей чести и правамѣ, которыя, прилѣжно съ нею бесѣдуя, усмотрѣли истину, непомраченную и старались намѣ сдѣлать еѣ извѣстною. И такѣ, чрезѣ час-

тые разговоры съ собою и глубокія размышленія, они почувствовали неизмѣримое пространство, находящееся между тѣломъ и душою; то и другое сдѣлалось предметомъ ихъ ученія. О! сколь великую они почерпнули изъ сего пользу!

Метафизика, избранная изъ наукъ, начала съ тѣхъ поръ отдѣлять человека отъ собственнаго его тѣла, оставляя ему одни токмо глаза разсудка, дабы вознестись до верховнаго Существа. Нравственность немедленно опличила отъ хорошихъ худыя понятія, которыя начинали смѣшиваться; возстановила порядокъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и хотѣла, чѣтобъ сердце было центромъ добродѣтели. Криптика очистила Вселенную отъ тысячи басенъ, почитаемыхъ за совершенную истину и лишила нѣкоторыхъ авторовъ славы, коей они не заслуживали. Физика призвала вещественный міръ къ своему судилищу и сдѣлала подробное изчисленіе всѣхъ его свойствъ; она опредѣлила всѣ тѣла изъ чистаго соединенія стихій и утвердила обращеніе земли около солнца. Математика измѣрила небо, величину горъ, глубину рѣкъ и морей. Астрономъ предсказалъ зашмѣнія; открылъ небесные знаки, до того еще неизвѣстные и объяснилъ кометы. Географъ описалъ землю и начерталъ всѣ ея виды. Анатомистъ позналъ удивительное строеніе тѣла чрезъ изслѣдываніе жи-

вотныхъ, Врачъ, не смотря на неосновательность своей науки, изобрѣлъ сильныя лѣкарства противъ самыхъ жестокихъ болѣзней. Художникъ, наконецъ, умѣлъ составить вторую Вселенную по образу первой.

Электризiя, которая до сего времени въ глазахъ смертныхъ есть одно токмо зрѣлище любопытства, будетъ конечно источникомъ пользы, когда мы довольно размыслимъ о семъ важномъ предметѣ. Уже посредствомъ ея помощи многіе дѣлаютъ опыты, дабы привести въ молчаніе самый громъ, раздѣляя части, коихъ соединеніе производитъ ужасный шумъ, ощущаемый нами въ воздухѣ. Сколько еще остается въ неизвѣстности полезныхъ таинствъ, которыя со временемъ откроются внутреннимъ разговоромъ! каждый въ немъ находитъ наставленія, соразмѣрныя своимъ нуждамъ, и они часто бываютъ превосходнѣе уроковъ всѣхъ учителей. Обратитесь на себя со вниманіемъ, говоритъ Марка - Аврелій, и вы найдете внутри васъ источникъ добродѣтели, который имѣетъ печеніе непрерывное. (*)

Мы всѣ имѣемъ естественную Геометрію, говоритъ великій Босеюэтъ, которая есть ничто иное, какъ наука соразмѣрностей и соображеній. Нужно только намъ прилѣжать къ сему и брать уроки у нашей души, которую, безъ сомнѣнія, мы

(*) *Ions boni, qui perenniter scatebit.*

должны предпочитать всякому учителю. небесѣдующій же съ нею измѣняетъ самъ себѣ и лишается многихъ познаній, кои бы украсили его умъ, или исправили нравъ сердца. Отрасли истины и добродѣтели, находящіяся внутри насъ, подобны отраслямъ растѣній и цвѣтовъ, которыя не прежде совершенно укореняются, какъ по нѣкоторомъ пребываніи въ землѣ.

Сей міръ сколь ни есть старъ: но безъ помощи внутренняго разговора былъ бы еще въ первомъ своемъ вѣкѣ; онъ никогда не произвелъ бы сихъ великихъ гениевъ, которые почерпаютъ все изъ себя, не заимствуя ничего отъ другихъ, и представлялъ бы намъ одни слова, произношеніе оныхъ, числа, дѣла, пустые вопросы и бесполезныя размышленія, а люди подобно статуямъ или эху, рассказывали бы намъ однѣ прошедшія эпохи и повторяли бы слышанное ими,

Воображеніе, сія превосходная часть насъ самихъ, почерпающая изъ ничтожества тысячу новыхъ міровъ, затмилось бы среди нестройныхъ мнѣній. Мы, будучи обольщены собственными нашими чувствами, приняли бы личину природы за нее самую и основали бы всю нашу Философію на вѣрѣ обманщика или невѣжи.

Но есть наука, гораздо полезнѣйшая для человѣка; наука, препятствующая смѣшиваться ему со скотомъ и равняться

съ Богомъ ; наука , дающая намъ почувствовать силу страстей , насъ унижающихъ и высокость разума . Душа , озаренная Божественными лучами , насъ приводитъ къ сему познанію : щастливое состояніе ! гдѣ болѣе обучаются самими себѣ , нежели обычаями народовъ ; гдѣ не прежде приступаютъ къ системѣ разума , какъ на основаніи склонностей своего сердца . Здѣсь-то приобретаютъ великое искусство повиноваться , бывши рабомъ , царствовать , бывши Государемъ , наконецъ искусство познавать себя .

Святой Августинъ былъ такого мнѣнія о сей наукѣ , что почиталъ ее составляющею все достоинство человека ; онъ , безъ сомнѣнія , могъ лучше всякаго говорить о ней ; онъ , который изобразилъ себя въ глазахъ вселенной также натурально , какъ и познавалъ себя самъ . Онъ узналъ , что сколько бы мы ни гордились своими понятіями : но ничего не произведемъ высокаго , занимаясь однимъ токмо земнымъ ; что все , видимое нами въ свѣтѣ , есть непримѣтная черта въ цѣлой вселенной ; что малое пространство , занимаемое нами въ пространствѣ , которое и само весьма мало , должно унижить нашу гордость и что наивеличайшій человекъ въ нѣкоторомъ отдаленіи кажется едва примѣтнымъ .

Сии мысли убѣгаютъ смертныхъ единственно по тому , что они мало стараются

познавать себя; большая часть людей хочет ввернуться собственным своим чувствам, совбываться съ однимъ міромъ, Что и есть источникъ всего зла: ибо міръ почитаетъ хорошимъ то, что заслуживаетъ одно токмо презрѣніе. Николь, превосходный моралистъ, хотя и часто называлъ міръ непрерывнымъ проповѣдникомъ лжи и суеты: но еще не довольно о немъ сказалъ. Міръ, лаская намъ, дѣлается величайшимъ нашимъ непріателемъ; кажется, что его промыслъ состоитъ въ учрежденіи владычества тѣла на паденіи души и что онъ условился похищать у нее право, какое она имѣетъ управлять нами и наставлять насъ. Душа совбтуетъ намъ размышлять, а міръ — искасть разсѣянiя; душа старается отъвернуть насъ отъ вещешвеннаго, міръ же порабощаетъ ему.

Но величайшая польза внупреннаго разговора состоитъ въ освобожденіи насъ отъ такихъ предрасудковъ, составляющихъ основаніе нашей жизни, и содѣлывающихъ достойными всякаго посмѣянiя. Сколько несогласій въ нашихъ обычаяхъ и въ нашей вѣрѣ! мы, на примѣръ, почитаемъ Бога, который до того унизился; что жилъ въ бѣдности, не имѣя даже мѣста, гдѣ приклонить главу свою и мы же хотимъ обитать въ дворцахъ, обладать сокровищами и наслаждаться всѣми удовольствіями; мы ѣдимъ въ великолѣпныхъ экипажахъ, дабы

поклониться образу какого нибудь Святаго, который провелъ всю жизнь свою, удаляясь отъ всѣхъ зрѣлицъ и собраній; носилъ самое бѣдное одѣяніе и былъ въ такомъ состояніи, чтобъ мы постыдились имѣть съ нимъ поварничество и почитали бы его за смѣшнаго и низкаго челоуѣка. Какая провинуположность!

Среди сего безпорядка что дѣлаеть челоуѣкъ размышляющій? онъ научается внутреннимъ разговоромъ согласовать свои поступки съ мыслями и по тому распла- тать жизнь; онъ думаетъ, что тотъ, кто осмѣливается подчинять религію своимъ склонностямъ и обычаямъ вѣка, совершенно поноситъ ее; онъ старается углубиться въ себя самаго и всѣми мѣрами убѣгать опасныхъ обществъ; онъ со страхомъ по- казывается въ свѣтъ и опять спѣшитъ въ свое жилище, дабы найти истину, ко- торая, кажется, потеряна въ людяхъ, и изъ размышленія составляетъ свое веселіе; онъ, ходя по стези добродѣтели, почитаетъ себя блаженнѣе Царей и, какъ бы оставя вселенную превратностямъ судьбы, нахо- дитъ болѣе утѣшенія въ себѣ самомъ, нежели между сосѣдями, часто опасными. Такое отвораченіе отъ свѣта освобождаетъ его отъ тяжкаго ига и поставляетъ на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ можетъ со всею точностію наблюдать предметы.

Тогда исторія представляетъ ему одни разрушенные города , опроверженныя Государства , испребленные народы и героевъ , погруженныхъ въ ничтожество , изъ коего произошли ; тогда большая часть новѣйшей и древней Поэзиі кажется для него токмо игрою страстей и собраніемъ пустяго тщеславія ; онъ , будучи въ своемъ укрѣпленіи , дорожитъ лучемъ , выходящимъ изъ его разума. Всѣ предметы представляются ему въ настоящемъ видѣ ; цѣлый міръ для него какъ точка , вѣка какъ минуты и удовольствія , какъ тѣнь.

И потому мы не можемъ быть обмануты , имѣя мудрую предосторожность разговаривать съ собою , но будемъ цѣнить вещи по собственному ихъ достоинству. Тщешно люди хотятъ отличить въ глазахъ нашихъ Вельможу , сравненнаго смертію съ его послѣднимъ рабомъ ; мы забываемъ богатый Мавзолей , видя одинъ простой пепелъ , въ который обращается и всякой герой ; мы почитаемъ мраморъ , золото великолѣпныхъ дворцовъ ни чѣмъ инымъ , какъ грязью , изображенною только въ другомъ видѣ.

Разсудивши такимъ образомъ , мы дѣлаемся въ состояніи сравнивать , соображать и избирать. Люди размышляющіе ни на что не хотятъ рѣшиться , не имѣвши прежде основательныхъ причинъ , оправдывающихъ ихъ опредѣленіе , и стараются ничего не предпринимать , не узнавши сво-

ихъ силъ. Внутренній разговоръ можно назвать упражненіемъ, въ которомъ всякой себя испытуетъ и изслѣдуетъ при началіи какого нибудь дѣла, или при желаніи исполнить намѣреніе. Симв средствомъ мы научаемся избѣгать погрѣшностей, происходящихъ отъ пороковости и легкомыслія.

Справедливо такимъ дѣйствіямъ ума даютъ названіе Философій: потому что они ведутъ къ истинной мудрости: по счастью еще и нынѣ находятся такіе Философы, которые среди столь разсѣяннаго вѣка, какъ нашъ, умѣютъ вкушать плоды уединенія. Вообще мірской шумъ поражаетъ ихъ слухъ; они ничему не внимлютъ, какъ токмо гласу своей души и сердца; никогда не изнуряютъ себя въ невозможныхъ изысканіяхъ, какъ на примѣръ: открыть Философскій камень, который никогда не существовалъ, или найти квадратуру круга; они въ себѣ заключаютъ всѣ сокровища и воображаютъ, что превратили медь въ зото, когда получили высокую мысль по случаю какого нибудь вещественнаго предмета.

Они безпрепятственно находятъ въ сихъ благородныхъ чувствованіяхъ великое утѣшеніе противъ прискорбій своей жизни; однимъ словомъ, все обращается въ пользу того, кто разговариваетъ внутренно: извѣченія, которымъ не возможно заниматься въ разсѣянніи, онъ составляетъ себѣ біблію.

пеку, навсегда существующую въ немъ. Разумъ сохраняетъ дѣла, — сердце чувства.

Не удивительно ли, что полкія приобретенныя познанія содержатся тамъ, какъ бы въ укрѣпленіи, и при малѣйшей нуждѣ всегда готовы показаться себя? „Я имѣю живое воображеніе о всемъ мною читанномъ, говоритъ краснорѣчивый Фенелонъ, и мнѣ кажется, что я вижу и то, чего уже болѣе нѣтъ. Разумъ можно называть кабинетомъ живописей, въ коемъ всѣ картины устроиваются по волѣ души, какъ повелительницы всего сданія. Я нахожу въ себѣ собраніе тысячи изображеній, не стараясь никогда ни удерживать ихъ, ни приводить въ порядокъ, которыя скрываются и являются по моему желанію, безъ всякаго затрудненія. Я призываю ихъ, — они приходятъ; отсылаю, — удаляются, незнаю куда, и всегда въ моемъ распоряженіи. Какая во мнѣ обширность! проходя оную, я нахожу болѣе пространства, нежели во всей Вселенной, отверзтой моимъ глазамъ. И такъ не буду ли я непріятелемъ моего благосостоянія, ежели не употреблю стараній жить вмѣстѣ съ душою, которой сообщеніе доставляетъ столь великія выгоды?

Сія видимая польза не ограничивается только одними нами. Наши размышленія о существахъ безплотныхъ и тѣлесныхъ, коими мы потомъ обогащаемъ народъ, служатъ къ отвращенію людей отъ ихъ гнус.

ныхъ пороковъ. И такъ душа, всегдашній другъ общества, ежели часто и удаляется отъ него: то это потому, что она желаетъ приобрести себѣ учениковъ и тѣмъ доставить ему важныя услуги. Всегда случается, что кто нибудь, прельщенный ея основательностію, оставляетъ разсѣяніе и находитъ полезнѣе сдѣлаться извѣстнымъ потомству, нежели быть въ связи токмо съ своими современниками.

Внутренній разговоръ сообщаетъ насъ съ людьми всѣхъ вѣковъ, а наружный съ людьми нѣсколькихъ дней. Одинъ содѣлываетъ насъ независимыми отъ пировъ, зрѣлищъ; другой, подвергая имъ, бываетъ въ тягость, когда мы не въ состояніи наслаждаться оными. И потому не можно ли назвать того блаженнымъ, кому неизвѣстны сіи пустые нужды, почиаемыя обязанностію въ общежитіи, и которыя, какъ пиранны, содержатъ насъ во всегдашней неволѣ? мы и безъ нихъ имѣемъ много существенныхъ потребностей и наши чувства довольно поработаны земному. Единственно душѣ принадлежитъ опредѣлять потребности жизни: ея опредѣленіемъ мы научимся почитать наше тѣло совершеннымъ невольникомъ, а смерть, отдѣляющую насъ отъ онаго, истинной свободой. Тогда исчезнутъ ужасныя мысли о гробѣ, которыя мы имѣемъ, но будемъ воображать его мѣстомъ блаженства, гдѣ мы должны

прервать цѣпи, соединяющія насъ съ земнымъ.

Не должно, безъ сомнѣнія, цѣнить малымъ то, что возноситъ человека выше ужасовъ смерти и доказываетъ выгоды, доставляемые ею. Воспоминаніе послѣдняго конца почти всегда было щитомъ героевъ. Тотъ, который пренебрегалъ Вселенную и боролся съ смертію предъ лицомъ цѣлой арміи, конечно страшится потерять жизнь въ неизвѣстности. Твердость духа многихъ героевъ есть машинная добродѣтель, ослабѣвающая чрезъ поврежденіе малѣйшей изъ ея пружинъ. Одни только уроки верховнаго существа могутъ утѣшить насъ въ смерти. Люди, занимаясь одними плѣнными предметами, насъ окружающими, дѣлаютъ изъ своихъ богатствъ и почестей для себя оковы. Они гордятся, имѣя великолѣпные дворцы, прекрасные экипажи и говорятъ: *мой замокъ, мои люди*, съ большею пріятностію и тщеславіемъ, нежели бы сказали: *моя душа*.

Вотъ достоинство шѣхъ, которыхъ здѣсь называютъ благоразумными! вотъ зрѣлище, забавляющее глупцевъ! душа отъ того можетъ прервать сіи цѣпи, что нечувствительно занимаетъ мѣсто богатствъ и почестей; она, какъ сказать, бываетъ замѣною земныхъ сокровищъ, о коихъ мы теперь говорили; потому что съ излишествомъ вознаграждаетъ того, который

нищеть ее и совѣтуетъ съ нею. Ахъ! какая происходитъ отъ сего польза! мы мѣняемъ пустыя удовольствія на настоящія; удаляемся отъ лжи, дабы соединиться съ истиной; оставляемъ землю, которая мучитъ своихъ жителей и поселяемся на мѣстѣ приятностей. Тутъ не спрашась ни поношеній, ни клеветъ, презираемъ гнусныя дѣла людей.

Здѣсь всякой долженъ себѣ представить сѣ безумствивенныя собранія, гдѣ женщины помощію ничтожныхъ словъ: *но, какъ, почему*, разглашая пустяки, опягощаютъ шѣхъ, кои съ ними находятся, вредятъ опсуществующимъ и цѣлые дни проводятъ въ пустыхъ разговорахъ и разказахъ; сего дня васъ обвиняютъ, завтра хотятъ оправдать. Подобнымъ образомъ живутъ и многіе люди, какъ жертвы легкомысленнаго и любовышнаго пола, который сколь ни уважаемъ, но заслужилъ бы еще болѣе почтенія, ежели бы оставилъ свои излишніе разговоры. Должно признаться, сколько и такихъ мужчинъ, которые совершенно походятъ на женщинъ.

И такъ душевный разговоръ, удаляя насъ отъ сихъ пороковъ, равно удаляетъ отъ людей, достойныхъ любви. Что иногда обращается намъ въ пользу; мы можемъ чувствовать сію истину, когда разлука или смерть похищаетъ у насъ любимыхъ друзей. Уединеніе внутреннее освобождаетъ

сердце отъ прискорбій, которыя ежедневно оправляютъ пріятности жизни. Сколько такихъ людей, кои, присоединяя печали другихъ къ своимъ собственнымъ, увеличиваютъ чрезъ то цѣпи бѣдствій! Какое бы удовольствіе ни находили мы въ приобрѣтеніи друзей: но должны знать, что вступаемъ тогда въ общество мученій, безпокойствъ и въ путь разсѣянія: страдаютъ друзья мои, — я страдаю; плачутъ они, — я плачу. И вотъ новыя горести, новыя слезы, новыя безпокойства, которыя часто бываютъ всею наградою за наше съ нами знакомство. И потому, чѣмъ менѣе мы живемъ съ собою: тѣмъ менѣе вкушаемъ покоя; цѣлый міръ есть ничто иное, какъ великое собраніе дѣлъ, заботъ, превратностей, гдѣ всякой для того, кажется, только и дышетъ, чтобъ вздохнуть.

Впрочемъ умѣренность въ сообщеніи съ людьми способствуетъ къ сохраненію нашего къ нимъ почтенія: ибо мало въ свѣтѣ такихъ, которые бы ничего не теряли, будучи слишкомъ много наблюдаемы другими; часто простое свиданіе истребляетъ всѣ хорошія мысли, какія мы имѣли о ихъ качествахъ. Личина спадаетъ, говоритъ Руссо, человекъ остается и герой исчезаетъ. Сколько долготы времени и отдаленность увеличиваютъ достоинство тѣхъ, которыхъ намъ представляютъ въ

примѣръ! И такъ будемъ судить о людяхъ, какъ о видахъ: должно на нихъ взирать въ соразмѣрномъ разстояніи, иначе почувствуемъ отвращеніе ко всему человѣческому роду; должны будемъ ежеминутно испреблять къ нему наше уваженіе и, вмѣсто почтенія и любви, имѣть презрѣніе. Есть такое состояніе души, которое содѣлываетъ насъ задумчивыми и унылыми; оно походитъ болѣе на онемѣніе, нежели на существованіе, и мы называемъ его *скукою*: но сія скука уничтожается, или лучше не имѣетъ мѣста, когда мы бесѣдуемъ съ собою. Душа, перебирая различныя мысли, умѣетъ смѣшивать пріятное съ полезнымъ; послѣ глубочайшихъ размышленій приводитъ забавныя, которыя утѣшаютъ насъ и вознаграждаютъ за нашу разлуку съ обществами.

Что бываетъ съ нами въ старости, ежели мы не наслаждались пріятностію внутренняго разговора? Увы! тогда мы, какъ сътующія тѣни или живые мертвецы, видимъ себя оставленными со всѣхъ сторонъ; это есть уединеніе, предвѣствующее гробу. Напротивъ того, человѣкъ, который во время юности вкушалъ удовольствія въ бесѣдѣ своей души, находитъ ее, какъ стариннаго друга, замѣняющаго ему всѣ общества, и она дѣлается для него тѣмъ любезнѣе, чѣмъ онъ уменьшаетъ свою привязанность къ чувствамъ. Какую

неоцѣненную опраду доставляетъ намъ душевный разговоръ! даже среди тяжкихъ болѣзней онъ смягчаетъ боль, отвращая наше вниманіе представленіемъ вещей, которыя онъ выдумываетъ, или сохраняетъ въ своей памяти. Сколько разъ воображеніе умерщвляло самыя жестокія наши чувствованія!

Здѣсь мѣсто говорить о наукѣ, по несчастію непонятной для многихъ, однако весьма полезной; я хочу сказать о наукѣ собственнаго нашего сложенія. Какъ мы можемъ существовать, не зная ни состоянія своего тѣла, ни его силъ? человекъ, который разсуждаетъ внутренно, долженъ умѣть въ двадцати-пятилѣтнемъ возрастѣ помогать многимъ, случающимся съ нимъ болѣзнямъ: онъ уважаетъ врага, сохраняя самъ свое здоровье и не требуя его помощи, токмо тогда, когда разумъ находится въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ; что уже не имѣетъ болѣе свободы въ размысленіяхъ. Кормчій можетъ ли оставить правило своего корабля, находясь въ здоровомъ разсудкѣ. Сколько такихъ людей, которые чрезъ несмысленное себя пользованіе изъ ничего получили важныя болѣзни! земля покрыва простыми, но чудесными вещами; мудрый посылаетъ насъ къ нимъ, какъ къ источнику лѣкарствъ и таинствъ: по научимся лучше познавать ихъ, нежели обучаться

ненужнымъ наукамъ , и тогда освободимъ душу отъ сего жестокаго мученія , въ какое ввергаетъ ее неизвѣстность лѣкарствъ , и не будемъ зависѣть болѣе отъ чужой помощи.

Но вотъ еще новыя выгоды внутренняго разговора , которыя и самую печаль дѣлаютъ для насъ сносною . Если мы лишаемся своего удовольствія , имѣнія : тогда токмо одна душа представляется намъ , такъ сказать , со всѣхъ сторонъ . Ахъ ! какой это другъ ! кажется , что въ то время мы осязаемъ ее и что она преобразуется въ тысячу предметовъ , гораздо превосходнѣйшихъ потерянныхъ нами . Когда грозитъ гроза надъ головою разсѣяннаго человѣка ; когда онъ видитъ себя оставленнымъ отъ ближнихъ и лишеннымъ своихъ сокровищъ : онъ погибъ на вѣки ; опчаяніе будетъ единымъ его удѣломъ и онъ потеряетъ всѣ силы для перенесенія такого бѣдствія . Но пусть самая сія гроза ударитъ надъ человѣкомъ , разговаривающимъ внутренно : она ничего не причинитъ ему , кромѣ переменъ въ его наружности , твердость же духа останется непоколебимою .

Нѣтъ я не требую другой школы для лучшаго познанія человѣку его потребностей и обязанностей , какъ разговора съ самимъ собою . Воинъ узнаетъ , что трусость никогда не была основаніемъ героя и что

также останется тщетнымъ его желаніе показать свою храбрость, ежели военачальникъ не назначитъ ему должности. Министръ будетъ почитать себя достойнымъ сожалѣнія, какъ скоро забудетъ свою обязанность въ наблюденіи другихъ. Государь будетъ отецъ своихъ подданныхъ и они все найдутъ защиту подъ его покровомъ. Философъ познаетъ, что онъ долженъ презрѣть свою науку и страшиться ея свѣта, который служитъ для него токмо ослѣпленіемъ. Кристикъ будетъ имѣть правильность и справедливость въ своихъ сужденіяхъ. Поэтъ и Орасторъ получаютъ нѣжный вкусъ, который можно назвать согласіемъ словъ и мыслей. Наконецъ, человекъ, каковъ бы-то ни былъ, сдѣлается мудрымъ и знающимъ, когда, освободясь отъ всѣхъ страстей и чувствъ, совершенно предается своей душѣ: Ахъ! безъ тебя, обожаемая душа, прекрасное твореніе Создателя, Вселенная, была бы въ глазахъ нашихъ ничто; безъ тебя не находили бы мы ни пріятности въ звукахъ, ни красоты въ цвѣтахъ; самое имя наукъ и художествъ сокрылось бы во мракѣ невѣденія; груды каменьевъ занимали бы мѣсто нашихъ славныхъ городовъ; тернія подавляли бы наши сады; и люди въ своихъ поступкахъ были бы совершенно подражателями скопамъ.

Тщетно дерзновенный Авторъ, вступившій въ общество съ мнимыми мудрецами,

хотѣлъ бы отдать человѣческимъ рукамъ преимущество наше надъ скотами: мы имѣемъ разумъ, который управляетъ нашими дѣйствіями и привлекаетъ насъ къ одному упражненію болѣе, нежели къ другому. Сколь желательна, чтобъ писатели подобныхъ нелѣпностей имѣли бы не руки, а лапы; наши Библіотеки были бы конечно гораздо лучше и сіи невѣроятности не учинились бы для попомства предмѣтомъ посмѣянія.

Г Л А В А IV.

О удовольствіяхъ, которыя вкушаютъ люди во внутреннемъ разговорѣ.

Удовольствія, коими наслаждаются многіе смертные, суть ничто иное, какъ одна обманчивость, обольщающая ихъ чувства, но ненаполняющая сердца Нѣтъ предмѣта на земли, который бы не давалъ намъ чувствовать своей пустоты и ничтожества. Ежели мы вкушаемъ удовольствія безъ умеренности, говоритъ Авторъ Анти - Кюкрецій: то не можемъ уже сему пропивиться, а ежели удерживаемъ ихъ силу: то наслаждаемся безъ пріянности.

И такъ не безразсудно ли человѣкъ предается симъ проходимымъ радостямъ, имѣя во глубинѣ души своей истинное бла-

женство. Онъ можетъ почерпнуть въ ея испочинкѣ твердость противъ превратностей сей жизни и силы къ преодолѣнію страстей и предразсудковъ. Міръ столько неисполненъ горестей; что почитаютъ первѣйшимъ щастіемъ имѣть спокойствіе. Если бы величайшій въ себѣ богачъ захотѣлъ изчислить свои скорби: то, можетъ быть, число ихъ превзошло бы все его сокровища, тѣ, которые бы могли при своемъ рожденіи видѣть картину ихъ жизни, безъ сомнѣнія, немедленно бы пожелали обратиться въ ничтожество, изъ коего вышли.

Одинъ поэтъ справедливо сказалъ, что беспокойные люди живутъ въ великолѣпныхъ зданіяхъ и ѣздятъ въ прекрасныхъ экипажахъ. Пріятный предметъ, услаждащій взоръ нашъ, бываетъ скоро испребленъ изъ памяти тысячею другихъ, которые помрачаютъ его. Пусть развернутъ письма многихъ людей, откроютъ ихъ мысли, изслѣдуютъ самые ихъ сны: — вездѣ найдутъ слѣды печалей, ихъ снѣдающихъ. Нѣтъ смертнаго безъ огорченія. Ежели мы уже послѣ покоренія себя чувствамъ обратимся къ бесѣдѣ своей души: то сначала повѣримъ, что они токмо ищутъ нашего блаженства; напротивъ того они походятъ на пчель, которые среди сладости меду и цвѣтовъ сохраняютъ свое жало. И такъ мы не должны надѣяться обрѣсти истины

наго спокойствія, ежели по несчастію будемъ слѣдовать чувствамъ. Тогда мы совершенно подвергнемся ослѣпленію богатствъ, почестей и всему разсѣянію обществъ.

Сколько бы люди ни старались усовершенствоваться свои удовольствія, призывая въ помощь роскошь и нѣгу: но никогда не получаютъ желаемого счастья, ежели будутъ убѣгать душевной бесѣды. Случается множество такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы, не взирая на себя, бываемъ принуждены искать ее. Ахъ! съ какою бы радостію входили мы въ собственное наше сердце, ежели бы пребываніе въ ономъ умѣли сдѣлать для себя пріятнымъ! тогда счастье наше не зависело бы отъ ласки или своенравія сосѣда. Пусть убѣгаютъ насъ или ищутъ, — какая въ томъ нужда? мы смѣялись бы симъ людямъ, которые приходятъ и удаляются, какъ молніи; сего дня ласкаютъ насъ, а завтра и не глядятъ.

Сколь горестно видѣть, что дѣйствіе страстей препятствуетъ чувствовать истинную цѣну удовольствія, питаемого въ душѣ! онѣ сильно убѣждаютъ насъ, что размышленіе содѣлываетъ человека несчастнымъ. Отъ чего случается, что иногда среди скуки мы бы и желали взойти во внутрь себя, но не смѣемъ приступитъ къ сему: ибо занимаемся одними мечтами, отвращающими насъ отъ внутренняго раз-

говора. Но мы получимъ великое утѣшеніе, когда достигнемъ желаемого конца; почувствуемъ тогда безирную разность, находящуюся между удовольствіями мірскими, и тѣми, кои ощущаемъ внутренно. Сердце, какъ бы облегченное отъ тяжкаго бремени, разпространяется по своей волѣ и воображеніе среди блаженной тишины пріятно перебираетъ свои мысли.

Все люди имѣютъ въ себѣ три средства, коими они могутъ составить свое благополучіе: мысли настоящія, воспоминаніе о прошедшемъ и надежда имѣть новыя. Если одѣе обезпокоиваютъ насъ: мы можемъ осваять ихъ и искать другихъ, болѣе пріятныхъ. Когда же чувствуемъ огорченіе въ настоящемъ: такъ удалимся отъ него и обратимся къ будущности; по печали наши покажутся намъ пустыми и неословательными.

Есть въ свѣтѣ такіе люди, которые надъ собою довольно властны, чтобъ избѣгнуть дурачкихъ мыслей, ихъ оскорбляющихъ, и, освая оныя, занявшись тѣми, которыя должны усладить ихъ душу. Если они будутъ превозмущены скоро проходящимъ временемъ: то въ себѣ утѣшатъ ихъ воспоминаніе вѣчности; воображеніе же сдѣлаетъ нечувствительными къ сужденіямъ міра, который будетъ для нихъ казаться одною точкою, и сія мысль затмитъ предъ ними его величіе. Такимъ образомъ мы на-

учимся презирати свѣтъ и искать въ немъ токмо того, что можетъ содѣйствовать къ нашему спокойствію. Всякой долженъ вѣрить, что еспьли бы воображеніе не составляло по крайней мѣрѣ половины всего нашего удовольствія: то мы бы и въ самыхъ забавахъ находили одну токмо скуку. Не считая сіе множество намѣреній, рождающихся непрестанно въ нашемъ умѣ и которыя не оставляютъ насъ даже до самаго гроба, мы не наслаждаемся въ надлежащее время и такъ, какъ бы того желали. Ежели, на прѣмѣръ, и достигнемъ своей цѣли: то не прежде, какъ по смерти родственниковъ, или друзей, коихъ хотѣли имѣть свидѣтелями своего благополучія и раздѣлитъ оное съ ними. Мечтаніе наше о будущемъ препятствуетъ утвердиться въ настоящемъ, которое иногда могло бы доставить намъ удовольствіе. И такъ мы располагаемся быть счастливыми и не бываемъ: токмо въ бесѣдѣ своей души можно научиться соединять всѣ времена, дабы удержати избранныхъ то, что должно утѣшать насъ. Печаль никогда не можетъ быть помощію въ несчастіи, но она еще увеличиваетъ его.

Я часто размышляю (и сіе размышленіе мнѣ пріятнѣе всѣхъ сокровищъ и почестей), что скоро не останется никакого слѣда тѣхъ предметовъ, которыми я прельщаюсь въ здѣшнемъ свѣтѣ, и что

скоро, разлучась съ сею жизнью и сокрывшись въ землю, буду имѣть одну участь съ Монархами и кромѣ гордаго Мовзоля не будетъ между нами никакого различія. Человѣкъ размышляющій обращаетъ свое вниманіе на памятники великаго и болѣе не видитъ пути ни малѣйшаго знака той славы, которая его окружала въ мірѣ.

Увы! что есть жизнь самая продолжительная и щастливая? можетъ быть, она заключаетъ не болѣе тридцати, или сорока лѣтъ, ежели отнять младенчество, сонъ и праздность, но еще и сіи одни непрестанно бывають сопровождаемы печальми, болѣзнями и скукою.

Хотя бы какойнибудь человѣкъ былъ весьма жестоко угнѣтаемъ нещастіями: но нѣтъ такого, который изъ двадцати четырехъ часовъ, составляющихъ день и ночь, не наслаждался осмнадцати равнымъ щастіемъ съ Государемъ. Небо представляетъ одинакое зрѣлище, земля одинакія богатства, ежели не съ такимъ изобиліемъ, то съ большимъ спокойствіемъ. Онъ съ нимъ бѣсть, прогуливается, какъ и сей владѣтель, который почиаетъ мірѣ для него покло сотвореннымъ. Правда, онъ не имѣетъ ни шлохранищелей, ни придворныхъ, ему ласкающихъ, ни великолѣпныхъ дворцовъ: но имѣетъ еще оспальные шесть часовъ, опредѣленные ему въ награду, за

сіе мнимое блаженство. Можетъ быть, судя по всей справедливости, нашли бы мы участь Государя несравненно горестнѣе и утвердили бы сіе: но должно въ чемъ нибудь согласиться съ предразсудками сего міра, который никакъ не увѣрится, чтобы Монархъ могъ нести бремя несчастій.

Здѣсь ксташи упомянушь достопамятныя слова Христины, Шведской Королевы, которая, желая жить съ своей душою, въ возрастѣ двадцати семи лѣтъ великодушно сняла съ себя Корону. Вотъ какъ она извѣщается: „я владѣла безъ гордости, оставляю съ смиреніемъ. Не жалѣйте обо мнѣ: мое благо не состоитъ въ богатствѣ. . . . Я никогда не буду раскаиваться, купя спокойствіе, мною вкушаемое, цѣною Короны, и навсегда пребуду непоколебима въ своемъ поступкѣ. Я бы конечно не оставила сокровищъ, которыя даровала мнѣ судьба, ежели бы почитала оныя нужными для моего блаженства.“

Сколько Царей, которые находили удовольствіе быть вмѣстѣ съ простыми паспухами! они искали въ хижинахъ щастія, неизвѣстнаго въ ихъ дворцахъ. И такъ должно увѣриться, что сіи сокровища и почести, которыя мы почитаемъ блаженствомъ Государей, не привязываютъ ихъ къ себѣ. Они живутъ среди нѣги, но безъ всякой пріятности.

Въ сей жизни бываетъ удивительное воздаяніе за блага и бѣдствія, за скорби, удовольствія. Люди, наслаждающіеся богатствами и почестями, обыкновенно не имѣютъ ни довольствія сердца, ни великихъ чувствъ. Другіе, которые не имѣютъ попеченія о славѣ и сокровищахъ, находятъ внутрь себя то, чего не достаетъ имъ съ наружности; они чувствуютъ свою душу, которая своимъ благородствомъ и спокойствіемъ вознаграждаетъ ихъ совершенно. Разсмотримъ такимъ образомъ міръ, раздѣленный на двѣ части; изслѣдуемъ равновѣсіе каждой стороны, и скоро найдемъ рѣшеніе: будемъ предпочитать спокойствіе и доброе сердце всякому богатству.

Есть въ свѣтѣ много такихъ людей, которые одно богатство почитаютъ достояніемъ для своего благополучія. Весьма горестно видѣть, что сіе вспоможеніе ихъ нуждамъ они принимаютъ за счастье, котораго должны искать другимъ путемъ. Сколько богатыхъ, желающихъ цѣною своего золота купить удовольствіе, вкушаемое простымъ поселяниномъ! мы бы гораздо лучше сдѣлали, употребляя нашу природную Арнезеттику на исчисленіе радостей и печалей, нежели на исчисленіе бесполезныхъ чиселъ, которыя часто служатъ къ утруженію насъ: эщо есть единственное средство сдѣлать душу свободною отъ всѣхъ суесть.

Можетъ ли быть что славнѣе для человека, какъ не заниматься блескомъ предметовъ, его окружающихъ? это есть драгоценное пишло, опличающее насъ отъ скоповъ. Виупренній разговоръ даетъ намъ преимущество быть свободными отъ горестныхъ необходимостей сей жизни и оставляетъ на нашу волю выборъ обществъ, копорья иногда бывають намъ нужны. Ежели обезпокоиваетъ насъ сомнѣнїе: мы бесѣдуемъ съ надѣждою; ежели разумъ отягощается въ изысканїи глубокой истины: то мы призываемъ на помощь свое воображенїе и препоручаемъ ему занимать насъ. Оно, покорясь желанїямъ нашимъ, представляетъ намъ тысячу прїятностей, копорья утѣшаютъ насъ. Его права распростираются даже до мертвыхъ; оно можетъ изобразить намъ ихъ лица превосходнѣе всѣхъ живописцевъ и мы посредствомъ его снова увидимъ оныя, какъ бы оживленными.

Какую пользу доставляетъ въ семъ любезномъ разговорѣ наша память! творенїе, чипанное уже нѣсколько лѣтъ, самыя игры моего дѣтства обновляются въ умѣ моемъ и я еще вкушаю сіи невинныя удовольствїя. И такъ душа всегда можетъ утѣшать насъ; она соединяетъ будущее съ прошедшимъ, двѣ чрезвычайности столь различныя, дабы сдѣлать настоящее болѣе

пріятнымъ , ежели оно само собою не приноситъ намъ удовольствія.

Свѣтлые источники , цвѣтущіе луга , красивые холмы ! не отъ васъ мы получаемъ щастіе ; увядающіе цвѣты , изсыхающія воды не могутъ основать нашего блаженства : однако какія вкушаю я удовольствія , когда одинъ самъ съ собою хожу по вашимъ тропинкамъ ; или прогуливаюсь на вашихъ берегахъ ! Въ бесѣдѣ съ людьми можно ли найти сей прекрасный урокъ природы , который восхищаетъ насъ и вмѣстѣ служитъ наставленіемъ ? Для чего одинъ славный мужъ называлъ сосны и дубы своими учителями и наставниками , какъ не по тому , что онъ находилъ среди ихъ предметъ къ прекраснѣйшимъ размышленіямъ ? кажется , что изъ глубины волнъ и ужасалбсовъ слышенъ тайный голосъ , который говоритъ намъ и призываетъ насъ къ разсматриванію сей картины . Мы какъ бы видимъ себя перенесенными въ тѣ блаженныя времена , когда первые люди , имѣя кровлями густоту листьевъ , занавѣсами тѣнь кустовъ , вкушали удовольствія полевой жизни ; мы читаемъ на зеленыхъ коврахъ и на постеляхъ изъ цвѣтовъ сіи превосходныя эклоги Виргилія , которыя всегда будутъ безсмертными .

Изъ сей по бесѣды съ растѣніями и источниками произошло столько натуральныхъ исторій , достойныхъ нашего внима-

нія, и отъ красоты роцей и цвѣтовъ получили славныя искусственныя картины. Весьма вѣроятно, что безмолвіе, возмущаемое токмо журчаніемъ рѣкъ и зефировъ, много благопріятствуетъ внутреннему разговору. Мы любимъ спокойствіе и находимъ пріятность въ тихихъ мѣстахъ, гдѣ оно обитаетъ. Изъ всѣхъ примѣровъ, какіе можно привести о удовольствіяхъ, вкушаемыхъ въ самихъ себѣ, предлагаю одинъ, который можетъ заставить насъ искать сего утѣшенія.

Двое молодыхъ иностранцевъ, заблудившись некогда среди лѣсовъ, нашли родъ крѣпости, въ которую входъ защищали многіе холмы; это была пустыня, гдѣ жилъ щастливый Философъ, который еще въ юности, удалившись отъ свѣта, имѣлъ себѣ товарищами однихъ птицъ и эхо лѣсовъ. Видя его бѣлую бороду, величественный станъ, но согбенный, они почувствовали удивленіе, смѣшенное съ почтеніемъ.

„О! любезные незнакомцы! вскричалъ Философъ, уже восемьдесятъ лѣтъ, какъ я живу въ семъ углѣ, и вы первые смертные, коихъ я вижу. Какой случай привелъ васъ сюда? какъ пришли вы посѣтить старика, котораго родственники почитаютъ уже въ числѣ мертвыхъ?“ онъ спросилъ у нихъ, каковы обычаи вѣка, все ли еще любятъ богатства и бѣгаютъ за призраками удовольствій. Звукъ его голоса и дви-

женія глазъ были столь пріятны ; что онъ заставлялъ себя слушать , какъ древнихъ Оракуловъ ; опершись на свой посохъ , онъ приводилъ новыхъ гостей въ садъ , имъ обрабатываемый .

Для чего я не могу въ настоящемъ видѣ описать всю привлекательность сего мѣста ? плоды , казалось , оспаривали красоту цвѣтовъ ; пурпуръ фіалокъ уступалъ винограду ; миртовые кусты , соединясь съ померанцовыми , составляли убѣжище , непроницаемое солнцемъ . Изъ простой пещеры , гдѣ искусство не смѣло касаться природы , вытекала чистая вода и сходила въ ровъ , окладенный каменьями . Верхъ сей пещеры былъ осѣняемъ вѣчно зеленѣющими деревьями , жонми и ровъ былъ обсаженъ .

„ Вотъ , сказалъ старикъ , театръ моихъ невинныхъ удовольствій ; здѣсь всѣ мои зрѣлища , мои праздники , моя бесѣда . Я занимаюсь подчищеніемъ сихъ елей и соснъ , которыя я самъ садилъ назадъ тому шестидесятъ лѣтъ ; я ихъ люблю , какъ моихъ воспитанниковъ . Я не знаю ни чернилъ , ни бумаги ; имѣю токмо одно мое сердце , въ коемъ запечатлѣлъ пріятности своего уединенія . Посмотримъ , любезные незнакомцы ! на сей дубъ ; онъ содержитъ мою эпиграфю . Я написалъ ее вчерась на его пнѣ , какъ званіе къ смерти , кошо-

рую я ожидаю; какъ мое послѣднее прощїи сей жизни, сему источнику, сему саду (*).

Каждое утро, въ первую минуту моего пробужденїя, я поздравляю себя съ разлукою со всѣми смертными. Я воображаю ихъ погруженными въ глубокой сонъ, когда разсматриваю зарю во всемъ ея блескѣ. Сїе славное зрѣлище, сотворенное для человековъ, однако неизвѣстное многимъ, меня радуешь и восхищаетъ. Я жалѣю, представляя себѣ, съ какою ревностію гоняются они за театральными декораціями; пустыми предметами ихъ честолюбія и потому никогда не наслаждаются красою природы; твореніемъ создателя. (**)

Когда наступила минута прощенїя: „подите, сказалъ онъ, любезные молодые люди, подите; вы идете, дабы снова увидѣть суеты міра, но я иду рыть себѣ могилу среди сихъ шополовъ. Тутъ, разлучась со всѣми предметами, въ объятїяхъ пишины, мною вкушаемой, и въ сладкомъ воспоминанїи, что предпочелъ разговоръ моей души разговору всѣхъ людей, испущу духъ свой. Чтобы я нашелъ между ими? восхваляемые пороки, поруганную добродѣтель, неправды и клеветы; я бы прово-

(*) Nil mihi rapuit mors,
Oribus tamen affluxi;

(**) Unde tam bona sors?
mecum vixi.

диль дни мои въ смятеніи и горестяхъ , а здѣсь мое безмолвіе ничемъ непрерываемо, кромѣ жужжанія пчель и пѣнія пшциць. — “

Нѣтъ , я думаю , читателя , который бы не пожелалъ быть на мѣстѣ сего блаженнаго старца. Не всѣ люди рождены , чтобъ удаляться такимъ образомъ , но всѣ , ежели хопятъ быть щасливыми , должны жить сами съ собою. Предавшись такому розговору , жизнь кажется минутою. Мы видимъ Математиковъ , которые , занявшись своею наукою , находятъ болѣе пріятности въ семъ упражненіи , нежели на праздникахъ и зрѣлищахъ. Глубокомысленный Маллебраншъ находилъ удовольствія , такъ сказать , отказываясь отъ свѣта солнца , дабы лучше искать свѣтъ истины ; безъ всякаго путеводинителя и помощи онъ умѣлъ совершенно наслаждаться своею бесѣдою. Вотще бы старались , удаляя его отъ размышленій и уединенія , имъ обожаемаго , занять почестями и забавами сего міра ; его душа , почиая величайшимъ удовольствіемъ быть съ собою , не думаетъ даже , чтобъ могло существовать другое утѣшеніе. Какую , на примѣръ , получаетъ награду Авторъ , который , выдавши свои творенія въ свѣтъ , слѣдуетъ за ними мысленно среди городовъ и деревень , гдѣ часто онъ опредѣляютъ занятіе молодого человѣка и бывають бесѣдою ученаго !

Ежели мы послѣдуемъ за Поэтомъ по пропинкамъ какого ни будь луга: то увидимъ, что онъ изливаетъ свои мысли на всѣ источники и цвѣты; онъ почиаетъ себя блаженнѣе; нашедши ркому, или какой вымыселъ, нежели бы имѣлъ всѣ сокровища. Славный Авторъ Апши-Люкрецій не находилъ вѣрнѣе средства для прогнанія скуки своего путешествія и безпокойства, какъ сочиненія превосходной поэмы, которою мы обогащены. Блаженство всякаго человѣка имѣетъ отношеніе къ его склонностямъ и состоянію: иные, желая, чтобъ ими болѣе занимались, полагаютъ оное въ спатуѣ и картинѣ; другіе думаютъ найти его въ забавахъ. Но сколько бы ни была пріятна жизнь сихъ людей: однако они не могутъ избавиться нѣкоторой задумчивости, чувствуемой послѣ разсвѣнія.

Зрѣлище не можетъ всегда продолжаться, игра самая забавная кончается, праздникъ блистательный проходитъ. Вотъ несчастная минута для человѣка, занимающагося удовольствіями! Но внутренній разговоръ, будучи всегда спокоенъ и одинаковъ, не знаетъ сей жестокой переменны радостей и печалей; онъ, умѣя представлять себѣ все желаемое, наслаждается согласіемъ концертовъ и великолѣпіемъ декорацій, не чувствуя въ нихъ никакой непріятности. Тщетно бы мы хотѣли сокрыть оную отъ себя: нѣтъ праздника безъ скуки; приутоповленіе

къ нимъ весело, а наслажденіе нечувствительно. Ежели, по щаспію, разумъ удовольствованъ: то тѣло упруго. Удовольствія же душевныя не только что не обманываютъ предающихся имъ, но приносятъ еще болѣе обѣщанныхъ сладостей и умѣренность ихъ сохраняетъ здоровье.

По сему приводитъ людей въ самихъ себя не значитъ дѣлать ихъ Мизантропами. Внутренній разговоръ не имѣетъ ничего, кромѣ пріятнаго. Не среди ли удовольствій, имъ доставляемыхъ, столько Ораторовъ и поэтовъ пожали цвѣты, кои они украсили свои безсмертныя творенія? сія непринужденность слога, сіи прекрасныя вымыслы, хорошія мысли излишныя, въ посланіяхъ, эклогахъ и элегіяхъ, заставляють ли думать, чтобъ сообщеніе съ душою было сообщеніемъ съ уныніемъ и скукою? уединеніе ожесточаетъ нравъ только тѣхъ, которые отказываются отъ обществъ по досадѣ или своенравію: тогда не душа уже беспокоитъ ихъ, но грусть, обладающая ихъ сердцемъ.

Сколько людей, которые въ самыхъ веселыхъ собраніяхъ являютъ блѣдныя и пасмурныя лица! зависимость, въ коей мы находимся у своего несчастнаго тѣла, дѣйствуетъ даже на наши мысли: онѣ ясны или темны, по мѣрѣ здоровья, которымъ мы наслаждаемся; такъ что разумъ дѣлается сущимъ игралищемъ и рабомъ вещества,

когда мы не постараемся воспротивиться множеству чувствительных впечатлений. Для достиженія же сей способности нѣтъ лучше средства, какъ разговора съ самимъ собою. Онъ даетъ власть душѣ надъ тѣломъ и опдѣляетъ насъ предупредительнымъ обращеніемъ отъ всякаго вещественнаго предмета.

Когда я обитаю въ себѣ самомъ согласно съ совѣтами мудраго: шо дѣлаюсь выше всѣхъ вещей, которыя, кажется, могли бы унижить меня; не знаю тогда другихъ благъ, кромѣ вѣчныхъ; снова нахожу умершихъ своихъ друзей, гдѣ они живутъ почти столько же, сколько жили въ себѣ самихъ; взираю равнодушно на превратности міра; почищаю каждую рану, учиненную моему тѣлу, какъ опзывомъ безсмертія, коего я ожидаю; клеветы не могутъ пронуть моей души, сотворенной для истины, и убѣгаю почестей, какъ ужаснаго невольничества.

О вы, которые всегда ищете истиннаго удовольствія и бесполезно изнуряете вашу молодость среди шума зрѣлищъ и игръ; взойдите въ себя самихъ и достигнете счастья, которое васъ убѣгаетъ; оно находится въ душѣ вашей! не можно всегда имѣть наружныхъ удовольствій, но не лзя отвлечь себя отъ воображенія; надежды и воли. Какое различіе между блаженствомъ, основаннымъ на сихъ способностяхъ и

удовольствіями, зависящими отъ воли другихъ, или отъ бала и концерта, коимъ множество случаевъ могутъ препятствовать! въ свѣтѣ есть одно покое щастіе, которое никогда не разлучается съ душею и слѣдуетъ за нами повсюду,

„Не говорите мнѣ, сказалъ нѣкогда Менажъ, о минимѣ блаженствъ богатыхъ и Вельможъ: истинное щастіе смѣшивается ли съ гордостію и шумомъ? носимъ простое платье, не имѣемъ никакого отличія, присвоятъ въ одномъ воображеніи сіи дворцы и сады, коими посторонній наслаждается лучше, нежели самые хозяева, есть средство быть довольнымъ. —“

Безъ сомнѣнія, сообщеніе съ міромъ, не позволяетъ всѣмъ людямъ слѣдовать такому плану: но тотъ, который не можетъ по оному поступать, по крайней мѣрѣ, пусть откровенно признается въ своемъ невольничествѣ и безпокойствѣ. Чѣмъ болѣе имѣемъ мы слугъ: тѣмъ болѣе показываемъ себя слабыми и подверженными нуждамъ; чѣмъ больше наши дворцы: тѣмъ менѣе мы должны почитать себя. Пространство семи футовъ есть вся неизмѣримость какъ Государя, такъ и простаго пастуха.

Таковыя размышленія не дѣлаютъ ли нашего сердца свободнымъ? онѣ производятъ внутри насъ истинное и постоянное

удовольствіе, о коемъ мы теперь говорили и которое должно быть удѣломъ каждого размышляющаго чловѣка.

Г Л А В А V.

Душа къ намъ ближе всякаго другаго предмета.

Мы говоримъ, такъ сказать, не думавши: ибо имѣемъ большую склонность ко всему земному. Слова, которыя раждаютъ мысль, часто поражаютъ и занимаютъ насъ болѣе, нежели сама она. Отъ сего-то происходитъ неправильность въ нашихъ сужденіяхъ,

Воспоминаніе смерти должно бы отвлечь наши мысли отъ земнаго, но это для насъ весьма трудно. Кажется, что мы лучше знаемъ тѣла, нежели души: однако, ежели бы захотѣли, хотя мало, размыслить: то нашли бы душу яснѣе всего, насъ окружающаго. Не она ли управляетъ движеніемъ нашихъ рукъ и ногъ и назначаетъ для нихъ работу? не она ли, покаясь своей волей мои персты, начертываетъ ими мысли и даетъ мнѣ способность говорить съ другими. То, что часто кажется намъ незанимательнымъ и простымъ дѣйствіемъ случая, имѣетъ въ себѣ много чудеснаго. Что и есть произведеніе разума. Всѣ важныя дѣла и заня-

тія не можуть быть хорошими, ежели не руководствованы мыслями. Сіе самое доказываетъ силу души надъ Государствами и законами.

Хотя люди помощію живописной кисти одушевляють полотно и искусственнымъ ножемъ оживляютъ мраморъ и металлъ; но во всемъ томъ они означаютъ свои мысли. Статуи и портреты суть ничто иное, какъ черты мастера: во всякой работѣ мы пошчасъ узнаемъ дарованіе художника; человекъ, который изображаетъ другихъ, еще лучше изображаетъ самаго себя: онъ тѣмъ даетъ токио наружный видъ, извѣстный каждому, но свой показываетъ и внутренній; во всѣхъ частяхъ картины видны слѣды его души.

Ежели мы прилѣжно изслѣдуемъ всякое дѣло и рассмотримъ со вниманіемъ всѣ тѣлесныя существа: то во всемъ увидимъ дѣйствія своего разума. Здѣсь онъ отнимаетъ у нѣкоторыхъ предметовъ настоящій ихъ блескъ; а тамъ даетъ имъ красоту, которой они не имѣли; иногда обращается къ прошедшимъ временамъ, иногда къ будущимъ. Онъ, какъ всегда чудесный и неутомимый, возвѣщаетъ намъ, что мы думаемъ и въ самую ту минуту, въ которую, кажется, ни о чемъ не думали.

Никогда не можно лучше чувствовать своей души, какъ среди глубокой ночи, въ сіе время никакіе предметы ее не обез-

покоивають; ничто не препятствует ей говорить съ нами, развѣ одни токмо впечатлѣнія разсѣяннаго дня могутъ прервать сей разговоръ и тогда онъ будетъ ничто иное, какъ пресѣкаемый голосъ, который, смѣшавшись съ мечтами сна, соспавляетъ совершенное разногласіе. Но не себя ли мы и въ этомъ должны обвинять, ежели часто наши сны не имѣютъ ничего порядочнаго и походятъ на неопредѣланныя карпины, въ которыхъ видимъ однѣ части тѣла безъ связи? И такъ не справедливо ли, что всегда дѣйствуетъ одна токмо душа? „когда вы мечтаете во снѣ, говоритъ Святой Августинъ, то иногда воображаете свое тѣло, но это ваша душа. Тѣло лежитъ, она ходитъ; языкъ безмолствуетъ, она говоритъ; глаза закрыты, она видитъ.“

Сколько людей, которые самымъ ихъ снамъ были обязаны образованіемъ своего сердца и во время оныхъ услышали истинный языкъ разсудка! ежели бы здѣсь мѣсто было изслѣдовать сонъ и сновидѣнія; то мы бы сказали, что они бываютъ совершеннымъ изображеніемъ нашихъ привычекъ и нравовъ; что ночь дѣлается всегда представленіемъ дня; наконецъ, что сновидѣнія зависятъ много отъ употребляемой нами пищи и отъ положенія, въ какомъ содржимъ свое тѣло: но мы оставляемъ сію матерію тѣмъ, которые имѣютъ о ней свѣденія и время занимаюсь ею.

Когда бы люди были не столь разсѣяны и заняты земнымъ: то бы всякую минушу чувствовали свою душу и видѣли бы ее, какъ обнаженною. Наше несчастіе болѣе состоитъ въ томъ, что предметъ мысли занимаетъ насъ всегда больше, нежели она сама. Когда, на примѣръ, мы думаемъ о небесной тверди; то наше первое вниманіе всегда устремляется на видѣ неба, усеяннаго звѣздами; но весьма мало занимаемся размышленіемъ, которое чрезъ то замиѣвается. Это происходитъ отъ того, что новое привлекаетъ насъ къ себѣ гораздо сильнѣе. Нѣтъ ничего приличнѣе разуму, какъ мыслить; но мыслить такимъ образомъ ему не свойственно.

Не можно совершенно утвердить, что бы мы, окруженные мыслями, чувствованіями и склонностями, видѣли дѣйствія души во всѣхъ предметахъ. Любить, чувствовать и понимать, сіи токмо способности могутъ заставить насъ наслаждаться симъ міромъ. Звукъ, который я воображаю внѣ себя, существуетъ во мнѣ; онъ заключаетъ въ себѣ чувство удовольствія, а гдѣ оно можетъ быть, какъ не въ моей душѣ? весь свѣтъ въ томъ согласенъ, что натуральные предметы, изображенные искусствомъ, не имѣютъ уже своей красоты. Пурпуръ цвѣтовъ, насъ прельщающій и оспоривающій великолѣпіе у самыхъ царей, зелень — красота нашихъ садовъ, яс-

ный лазурь — превосходное украшеніе небесъ, выходящъ какъ бы изъ нашей души: это она, для представленія намъ прекраснѣйшаго зрѣлища, облакаетъ ихъ въ такой блескъ.

Кто можетъ сказать за новое, что жаръ соединенъ съ пламенемъ, когда сіе чувство у насъ общее съ тѣломъ? посредствомъ его и ощущаемыхъ имъ чувствъ душа получаетъ такія впечатлѣнія, но самую ихъ причину она имѣетъ въ себѣ. Ея мысль можетъ назваться подлинникомъ, а предметъ этой мысли есть токмо списокъ съ нее. Ежели она переселяется въ тѣ мѣста, гдѣ находящся существа тѣлесныя: то это не для того, чтобы искать ихъ. Прилично ли душѣ забыть свое достоинство и имѣть помощь въ томъ, что гораздо ее ниже. Она, будучи всегда ревностна въ своихъ правахъ, употребляетъ чувства для призыванія къ себѣ твореній, ее окружающихъ, дабы ограничить ихъ красоту по своей волѣ. Сіе не отъ того, чтобы душа имѣла какой нибудь видъ; мы не болѣе имѣемъ понятія о ея изображеніи, какъ и о верховномъ существѣ, отъ коего имѣетъ она свое начало, и какъ бы посредница между имъ и тѣлами, получаетъ свѣтъ разума, который сообщаетъ потомъ предметамъ; ясность ея всегда заимствованна и бываетъ помрачаема силою страстей, причиняющихъ ей

затмѣніе такъ какъ луна, среди ирака, намъ передаетъ свѣтъ, который получаетъ отъ солнца до тѣхъ поръ, пока земля, ставъ между ими обонми, вдругъ насъ лишаетъ его,

„Изъ души, сего сокровища столь мало извѣстнаго, сказалъ святой Августинъ, происпекаютъ лучи свѣта, согласіе тоновъ, запахъ духовъ, всѣ цвѣты и вкусъ.“ — Душа содержитъ свои богатства подъ сохраненіемъ до той мѣноты, пока мы не почувствуемъ въ нихъ нужды: тогда она изливаетъ ихъ съ изобиліемъ; показываетъ въ великолѣпіи и мы будемъ почитать міръ полезнымъ и пріятнымъ. Приведемъ себѣ на память, сколько разъ воображеніе наше облекало множество предметовъ въ красоту, которой они совсѣмъ не имѣли. Не можемъ ли представить вдругъ въ умѣ своемъ цвѣтущихъ луговъ, зеленѣющихъ деревьевъ, свѣдлыхъ ручьевъ, золотыхъ песковъ? гдѣ бы существовали сн красоты, ежели бы душа не постаралась намъ изобразить ихъ? вотъ ясное доказательство чудесъ, заключающихся въ ней. Мы открываемъ глаза, рассматриваемъ предметъ и чувствуемъ внутри себя въ тоже время что-то яснѣе сихъ глазъ, которые глядятъ и разбираютъ. Сколько бы ни поражали насъ лучи свѣта: но мы ничего не различимъ, ежели душа не обратитъ своего вниманія.

Всѣ дѣйствія сей жизни суть дѣйствія души, которая, кажется, преобразуется въ различные виды: такъ какъ всѣ художества суть ничто иное, какъ самая природа, изображенная другимъ образомъ. Чувства токмо соединяють предметы, но украшаютъ ихъ душа; художники во всемъ природу ставятъ себѣ примѣромъ и по тому они и мы бы вѣчно были не благодарны, ежели бы не захотѣли признать источника, изъ коего почерпаемъ совершенную красоту.

Истина сія доказываетъ, что мы гораздо лучше знаемъ свою душу, нежели тѣло, и лучше можемъ судить о ней, нежели о существахъ вещественныхъ: ибо сколько бы мало ни занимались мы первою, но сіе внутреннее въ насъ чувство, которое ни чемъ не можно заглушить: *я есмь, я думаю*, непрестанно удостовѣряетъ насъ въ этомъ. Къ тому же человекъ, окруженный заблужденіями, чувствуетъ себя рожденнымъ для истины; онъ любитъ добродѣтель даже и въ самомъ его непріятелѣ и навсегда желаетъ верховнаго блаженства. Откуда бы получилъ онъ сію склонность ко всему хорошему, ежели бы душа не старалась въ томъ просвѣщать его?

Мы токмо внутри самихъ себя можемъ видѣть благоразуміе, искренность и скромность: сіи добродѣтели не имѣють ни звѣта, ни вкуса, онѣ ни длинны ни преу-

гольны и посему не могутъ быть усмотрѣны чувствами; также сомнѣніе и надежду не можно назвать ни круглыми, ни четверугольными. Чтобы мы ни дѣлали, но всегда, какъ бы нечувствительно обращаемся къ своей душѣ. Чѣмъ болѣе убѣгаемъ ее: тѣмъ болѣе она представляется намъ. Самая скука возбѣщаетъ намъ ея существованіе и совершенно утверждаетъ сіе правило, или лучше сіе мнѣніе весьма вѣроятное: *Nihil est in intellectu, quod prius non fuerit in sensu*. Въ самомъ дѣлѣ, скука наша не зависитъ ни отъ слуха, ни отъ зрѣнія, однимъ словомъ, она не возбуждается никакимъ чувствомъ. Обожаемая душа! ежели, по несчастію, многіе смертные не признаютъ своего безплотія: то это не отъ того, чтобъ ты въ ономъ ежеминутно не дѣлала имъ доказательствъ! каждый изъ насъ прикасается къ тебѣ, какъ бы рукою: но слраспи и чувства побѣждаютъ весь разсудокъ. Всѣ предметы, насъ окружающіе, суть свое изображение и эхо своего безплотія, такъ какъ ты есть подобіе верховнаго существа, но сіи предметы, къ величайшему сожалѣнію, говорятъ глухимъ. Ты бываешь внутри ихъ, а они внѣ себя и потому не чувствуютъ своего присутствія. Они живутъ и славятся тобою: но проводятъ жизнь свою, не думавши о тебѣ. Они засыпаютъ на твоей материнской груди, преисполненные сновид-

дѣній, ихъ волнующихъ, которыя также должны бы ихъ обратить къ себѣ: однако они не чувствуютъ сего разума, столь превосходнаго предъ ихъ тѣломъ. Ежели бы ты была цвѣткомъ увядающимъ, плодомъ гниющимъ, простымъ насѣкомымъ: то они бы провели всю свою жизнь въ изученіи и познаніи тебя и говорили бы всегда о тебѣ. Но какъ ты непрестанно находишься внутри насъ, куда они никогда не входятъ, то и не знаютъ своего существа: ибо сіе внутреннее жилище всего болѣе удалено отъ ихъ взора. Будучи въ такомъ заблужденіи, они самое низкое вещество предпочитаютъ красотѣ своей: однако всѣ сіи предметы исчезнутъ и ты одна воспоржествуешь надъ концемъ временъ.

Всякой можетъ въ себѣ изображеніи узнать себя и согласиться, что ежели душа не ежеминутно представляется намъ: то мы въ ономъ должны обвинять токмо чрезмѣрную свою разсѣянность. Сколько разъ случалось намъ въ теченіи дня далеко находиться отъ своего тѣла по причинѣ стремленія, съ какимъ душа переноситъ насъ или на отдаленныя моря, или среди городовъ! кажется, что мы дадимъ совершенный въ себѣ опивѣтъ, когда помянемъ свою память и воображеніе. Можетъ быть, скажутъ иные, что сіе производятъ эфирныя способности, а не душа: но развѣ онѣ

не составляют души, которая есть ничто иное, как мысль.

„Я не знаю; говоритъ Святой Августинъ, отъ чего случается, что я иногда бываю удаленъ и лишенъ самаго себя и послѣ какъ бы прихожу и возвращаюсь опять въ себя. Мнѣ кажется, что я совсемъ другой человекъ, перенесенный въ другое мѣсто, когда, на примѣръ, ищу чего ни будь, ввѣреннаго моей памяти, и не нахожу; тогда я не могу обратиться къ себѣ; я бываю точно безъ разсудка и только въ то время прихожу въ себя, когда нашелъ желаемое: но гдѣ мы сіе ищемъ, какъ не въ душѣ своей.“

Г Л А В А VI.

Сколько мы должны любить свою душу.

Сколь жестоки сии враги противъ собственнаго своего сердца, которые утверждаютъ, что для приобрѣтенія щастія нужно убѣгать себя. Ахъ! это не только не сдѣлаетъ насъ щастливыми, но и ввергнетъ, можешь быть, въ великія злополучія. Душа не была бы уже изображеніемъ Божества, ежели бы мы опасались ея вида. И такъ постараемся очистить ее отъ помраченія своихъ страстей и она немедленно покажется намъ достойною всей нашей любви.

Сколь бы священна ни была связь плоти съ кровію: но она не можетъ быть сильнѣе связи души съ тѣломъ. Душа, будучи отъ самой матерней утробы соединена съ симъ устроеннымъ составомъ, живетъ съ онымъ въ совершенномъ согласіи. Между ими находится такое отношеніе, что многіе Философы часто смѣшивали сіе двойное существо. Такъ, не смотря на различіе, какое мы чувствуемъ между тѣломъ и душою, они почитали ихъ въ крѣпкой связи.

Сколько бы люди были несчастны, ежели бы они, всегда обязанные жить посредствомъ своей души, должны были въ тоже время почитать ее непримиримымъ своимъ непріателемъ! не довольно ли мы имѣемъ наружныхъ бореній, не возжигая внутреннихъ? этого еще мало, чтобъ только сохранять внутреннюю тишину; но должно и любить свою душу. Тщетно бы мы думали ненавидѣть своего Творца, отъ коего получаемъ способность любить. На сей-то любви къ намъ самимъ основано сіе превосходное правило: *не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь*. Въ сей любви состоитъ то желаніе, какое мы всѣ имѣемъ для достиженія благополучія, и наконецъ по отношенію къ сей любви мы предаемся ученію и трудамъ.

Мы слышимъ ежедневно, что нигдѣ не можно найти истинныхъ друзей, кромѣ въ однихъ романахъ; что ни на кого не

льзя надбяться и что прежде, нежели встрѣпишь одного умнаго, надлежитъ видѣть тысячу глупцевъ. Но для чего вы себя искаете намъ вѣрнаго друга, когда онъ живетъ внутри насъ самихъ. Душа не извѣщаетъ ли насъ о нашихъ заблужденіяхъ и не доставляетъ ли намъ удовольствій несравненно пріятнѣйшихъ чувственныхъ? чего же болѣе мы требуемъ отъ друга?

Воистинну люди соединили бы все народы для избранія повѣреннаго своихъ удовольствій и печалей: ибо они никогда не найдутъ въ нихъ вѣрнѣе и полезнѣе своей души. Нѣтъ печали, которая бы могла удалить ее отъ насъ, но въ сію горестную минушу мы еще болѣе чувствуемъ ея утѣшеніе. Какое употребляетъ она краснорѣчіе, чтобъ показать ничтожество потрѣбнаго нами, или того, чего мы не можемъ имѣть! Ежели смерть покидаетъ нашего друга: то она умѣетъ увѣрить насъ, что она ничего не разрушила, но токмо удалила образъ того, съ которымъ мы соединимся въ непродолжительное время; ежели мы не могли приобрести какого отличія: то она доказываетъ намъ, что нѣтъ ничего выгоднѣе для человека, какъ спараться узнавать самаго себя. Видѣли ли мы когда нибудь душу недостаточною для нашихъ нуждъ и не находимъ ли ее всегда готовою отвѣчать на наши вопросы? здѣсь веселыми мыслями она услаждаетъ наше воображеніе;

шамъ глубокими размышленіями удовольствіемъ наше любопытство. Вездѣ она исполняетъ должности хорошаго учителя и превосходнѣйшаго друга. Когда мы сдѣлали преступленіе: то раскаяніе, подобно эху отъкрывается глубокою печалью въ нашемъ сердцѣ; оно вопіетъ внутри его громкимъ гласомъ, который прекращаетъ волненіе страстей и приводитъ насъ въ ужасъ. Когда же мы бываемъ къ нему нечувствительными: то душа удаляется отъ насъ и поступаетъ съ нами, какъ бы разгнѣванный отецъ противъ преступнаго сына. Но ежели мы постараемся выдти изъ своего заблужденія; то почувствуемъ, что она снова приближается; возвращаетъ намъ свой свѣтъ и лишаетъ всѣхъ опасностей.

Въ семъ-то безъ сомнѣнія заключаются самыя важныя услуги дружбы. И такъ вотъ новое шипло, которое должно сдѣлать душу драгоценною для людей. Она бы не была темъ, что есть, ежели бы можно было отгадывать ея мысли и мы бы не справедливо любили и почитали ее, ежели бы она не умѣла содержать нашихъ секретовъ: но для нашей пользы она сохраняетъ ихъ въ тайнѣ, которые бы часто могли погубить насъ, когда бы были открыты. Въ присутствіи людей, насъ обманывающихъ, мы думаемъ объ нихъ все, что хотимъ, не подавши имъ ни малаго въ томъ подозрѣнія. Я внутренно смѣюсь надъ жи-

выиъ мудрецовъ его лицемерству, надъ честлюбивымъ его надменности, надъ богатымъ его пышности. Покаряющіяся мои чувства отдають почтеніе ихъ описанію; а душа вознаграждаетъ меня за сіе наружное уваженіе, которое я долженъ дѣлать такимъ людямъ. Она восхищается, что не имѣетъ столько богатствъ и почестей и что безъ нихъ можетъ размышлять гораздо основательнѣе.

Ежели я почувствую скуку въ кругу праздныхъ людей, которые обыкновенно бывають пустословы; то душа приходитъ ко мнѣ на помощь: она обращаетъ мое вниманіе на другой предметъ, оставляя токмо одинъ составъ моего тѣла въ сей глупой бесѣдѣ. Скажутъ, что я слышу всѣ ихъ разговоры, отвѣтствую на все, въ то время, когда нахожусь или среди звѣздъ, или на берегу моря.

Какое бы щастіе вкушали люди, ежели бы всегда имѣли внутри ихъ столь бдительнаго друга! душа есть сокровище превосходнѣйшее всѣхъ земныхъ. Надлежитъ токмо закрыть глаза суешности и открыть глаза истины, дабы познать всю цѣну души. Она отвлекаетъ насъ отъ тѣхъ удовольствій, которыя бывають врагами спокойствія и благополучія; показываетъ пороки во всей его гнусности; покоряетъ молодого неопытнаго человѣка подъ иго ученія и законовъ и дѣлаетъ для него перо

и книги пріяшнѣ всѣхъ обществъ : она , какъ бы мать многѣхъ превосходныхъ Авторѣвъ , которые одною шокмо плодовишо-снѣю своего ума нашли средства быть незбѣенными , вознаграждаетъ ихъ за бѣдствія судьбы и жестокость опечества часто въ разсужденіи ихъ неблагодарнаго.

Ежели чувства употребляютъ всю силу для удаленія насъ отъ души и для обращенія нашихъ склонностей къ другимъ предметамъ : то она снова постарается призвать ихъ и употребить для нашей пользы. Ея - то помощію мы заслуживаемъ драгоценныя пишла хорошаго гражданина , хорошаго отца , вѣрнаго друга ; по ея приказанію текутъ слезы и возвѣщаютъ нашу печаль , такъ какъ смѣхъ возвѣщаетъ радость ; малое средство , но вѣстѣ и дѣйствительное , чшобѣ доказать своимъ ближнимъ чувствительность нашу къ ихъ благополучію и бѣдствіямъ.

Душа умѣетъ искусно изобразить снаружи самыя сокровеннѣйшія ея впечатлѣнія и испребитъ , когда ей заблаго разсудится , все помышленіе о вещественномъ , дабы чрезъ то занять насъ шокмо собственными ея пріяшностями. Всѣ люди , которые хорошо оныя испытали , были столь восхищены ими ; что не могли даже терпѣть вида сей Вселенной , ежели не находили въ ней

него нибудь достойнаго своей души. Они вездѣ ее обрѣтали, какъ вѣрнаго друга, котораго, кажется, всегда видѣли и слышали.

Не пріятно ли сказать самому себѣ: душа моя есть благо, совершенно мнѣ принадлежащее? нѣтъ такого препятствія, которое бы могло меня лишитъ ея; я наслаждаюсь ею одинъ, когда мнѣ разсудится; но ежели пожелаю, то наслаждаюсь и для другихъ. Иногда пребываетъ необходимость разлучиться съ моими друзьями; сего дня вижу ихъ, завтра долженъ оставить; путешествіе лишаетъ меня пріятностей ихъ бесѣды; а смерть похищаетъ и самую ихъ лица: но душа вѣчно бываетъ моимъ ближнимъ и вѣрнымъ товарищемъ. Среди варварскихъ народовъ я имѣю утѣшеніе въ ея бесѣдѣ; среди морской бури подкрѣпляюсь ея надеждою; она слѣдуетъ за мною и въ шюрму, даетъ совѣты во всѣхъ опасностяхъ. Все оставитъ меня и самое тѣло въ непродолжительномъ времени превратится въ ничтожество; но одна только душа неразлучна будетъ со мною и смерть ея присутствіе учинитъ для меня еще чувствительнѣе и любезнѣе.

И такъ не удивительно ли, что люди, столько любя безсмертіе, не обожаютъ своей души существа истинно безсмертнаго? ежели они имѣютъ какую нибудь къ себѣ любовь, то должны знать, что основаніемъ ея бываетъ душа; она,

будучи пространіе сей обширной Вселенной, имѣешь намѣренія, достойныя ея начала и опредѣленія. Во всѣ времена мы видимъ ее торжествующею подъ именами многихъ завоеваній, бѣдствій и ужасныхъ злоключеній, къ которымъ шло было почти не причастно. Ежели всѣ Герои, одержавшіе икогда славныя побѣды не отдавали въ томъ чести своей душѣ: то они были совершенно неблагодарныя. Безъ сомнѣнія, первые ихъ хорошіе поступки должны относиться къ существу верховному; но душа, будучи его изображеніемъ, заслуживаетъ участие въ ихъ признательности.

Всякое добро, которое мы получаемъ не чрезъ свою душу, не заслуживаетъ имени добра; одно токмо благоразуміе, искренность и добродѣтели должны имѣть мѣсто въ нашемъ сердцѣ; и ежели мы любимъ своихъ друзей: то это по приличію качествъ ихъ души. Тщетно прекрасное лице и великое имѣніе рѣшили бы насъ въ выборѣ друта: красота увянетъ, богатства истощатся; и мы будемъ стыдиться, что основали свою любовь на пустыхъ достоинствахъ.

Такъ, когда мы нашли истинныхъ друзей, то не можемъ не чувствовать въ семъ щастливомъ приобрѣтеніи важной услуги, доставленной намъ душою. Это она, которая даетъ намъ сходство во нравахъ

съ любимымъ человекомъ ; заставляетъ насъ уважать его хорошія качества и сохраняетъ вѣчно пріятную нашу связь. Безъ ея наставленій и совѣтовъ мы бы вступали въ дружбу безъ всякаго разбора и предали бы наше сердце тому , кто не заслуживаетъ никакого вниманія. Она одна должна предоставить себѣ разсмотрѣніе новаго друга и запретить нашему слуху и взору предупреждать ея сужденіе. Ежели бы люди въ составленіи дружбы единственно руководствовались сими средствами : то сколько бы было вѣрныхъ друзей ! Тогда они не знали бы сихъ несносныхъ досадъ , рождающихся отъ ссоръ и несогласій , столь обыкновенныхъ въ обществѣ. О сколь блаженны тѣ люди , которые предпочли душу всякому другу и умѣютъ наслаждаться пріятностію ея разговора ! она отираетъ слезы , прогоняетъ печали , приноситъ намъ всегда утѣшеніе и даже въ самыхъ нашихъ прискорбіяхъ даетъ чувствовать какое - то тайное удовольствіе , — удовольствіе , которое ослабляетъ силу горести. Ежели мы постараемся истребить свою любовь къ бездѣлкамъ , то увидимъ , что душа скрываетъ отъ нашихъ взоровъ сіе мнимое благополучіе , котораго мы ищемъ и которое служитъ шокмо къ удаленію насъ отъ нея.

Сколько такихъ друзей , къ которымъ мы чувствуемъ весьма сильную привязанность

и кои бы достойны были одного презрѣнія, ежели бы мы могли видѣть ихъ сердца! Въ мірѣ владычествуетъ лицемерство; каждый спарается языкомъ своимъ проповорѣвать сердцу; такъ что трудно отличить искренняго человека отъ ложнаго. Но душа даетъ ли мѣсто такимъ опасностямъ и подозрѣніямъ? нѣтъ! мы не можемъ не знать ея мыслей; намъ извѣсны и самыя сокровеннѣйшія ея отношенія и склонности.

Отъ чего многіе смертныя не обожаютъ своей души? не отъ того ли, что они не умѣютъ цѣнить достоинствъ и добродѣтелей; убѣгаютъ себя самихъ и отдающъ честь гнуснымъ предметамъ, которые токио ослѣпляютъ глаза? богатый скрываетъ свое дурное сердце подъ грудю земныхъ сокровищъ; его погрѣшности исчезаютъ во внутренности великолѣпнаго дома; въ немъ ничего не примѣчаютъ, кромѣ прекраснаго его экипажа, провожающей свиты и великой славы, которою онъ окруженъ: бѣдный, на противъ того, кажется лишенъ на землѣ всѣхъ добродѣтелей; уныніе, ему сопутствующее, и печальный видъ дѣлаются завѣсою его достоинствъ; онъ презрѣнъ, оставленъ, между шѣмъ, какъ тотъ почитается божествомъ, котораго славятъ и величаютъ.

ЦГПБ

им. Н. А. Некрасова

2 000000 836294

